

Екатерина Полянская

На горбатом мосту

Книга стихов

Санкт-Петербургское отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

«Геликон Плюс»

Санкт-Петербург · 2014

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 54

Полянская Е.

П 54 На горбатом мосту: Книга стихов. (Серия «Петроградская сторона». — Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» / «Геликон Плюс», 2014. — 224 с.

ISBN 978-5-93682-973-4

В шестую книгу известной петербургской поэтессы Екатерины Полянской наряду с новыми вошли избранные стихи из предыдущих сборников, драматические сцены в стихах «Михайловский замок» и переводы из современной польской поэзии.

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

*Издание выпущено при поддержке Комитета по печати
и взаимодействию со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга*

ISBN 978-5-93682-973-4

© Полянская Е., текст, 2014.
© «Геликон Плюс», макет, 2014.

НА ГОРБАТОМ МОСТУ

Стихотворения

* * *

Так хочется настроить эту жизнь.
Она же — ускользает, не даётся.
Всё что-то в ней болит, мерцает, бьётся,
Мелькают лица, даты, этажи.

Всё слышится то пение, то плач,
То резкий смех, то электрички дальней
Тревожный свист... Всё яростней скрипач,
А голоса — всё выше и хрустальней.

Вот — зимний лес, и синяя лыжня
С разгону огибает куст ольховый.
И куст тихонько кружится, звеня
Смолистыми серёжками... И снова —

Летят огни, грохочет переезд,
Но с каждым днём всё резче и свободней
Тень фонаря, похожая на крест,
Качается у самой подворотни.

Звучат единой музыкой шаги,
И лязг замка, и звяканье цепочки,
И шум дождя, и голоса пурги,
И выдох раскрывающейся почки.

И всё вокруг меняется, спешит,
Смысл обретая в каждой переменной,
Где звук со светом неразрывно сшит.
И дирижёр слепой и вдохновенный,

Из темноты прорвавшись ледяной,
Парит над партитурой раскалённой,
И каждый миг гармонией иной
Взрывается оркестр ошеломлённый.

* * *

Noli tangere cyrkulus meos!*

Архимед

В перестуке колёс всё быстрее и злей —
Никого не вини, ни о чём не жалея,
Ни о чём не жалея, никого не вини...
А навстречу, как жизни чужие, — огни.

А навстречу горстями мгновений — кусты,
Полустанки, заборы, сараи, кресты.
Это — деревья стон, это — скрип колеса...
Ах, прожить бы ещё полчаса, полчаса!

Ах, прожить бы ещё!.. Головою тряхни —
Ни о чём не жалея, никого не вини.
Слышишь? — в ровном дыхании русских полей:
Никого не вини, ни о чём не жалея.

Это — сердце, сжимающееся во мгле,
Это — рюмка с отравой на грязном столе,
Это — в кранах бормочет слепая вода,
Это — по коридору шаги в никуда.

Это — времени бешеные виражи,
Это — «Бей, но не трогай мои чертежи!»,
Это лезвие ночи проводит черту
Сквозь ноябрьскую зябнущую наготу.

* Не трогай мои чертежи (*лат.*).

Так присвистни, потуже ремень затяни,
И судьбу, словно глупую птицу, спугни.
И под крики «Распни!», и под крики «Налей!»
Никого не вини, ни о чём не жалеи.

* * *

Они рассуждали:

хитрый — о честности,

трусливый — о мужестве,

бездарный — о вдохновении.

А равнодушный так говорил о любви,
что аж заходило сердце.

Они призывали:

благополучный — к терпению,

злой — к милосердию,

к щедрости — жадный.

Ну а бездельник так пел славу труду,
что прямо руки чесались.

Они упрекали:

лжецы — в недоверии,

любопытные — в сдержанности,

эгоист — в неготовности к жертве.

А безбожник — тот просто разил наповал
цитатами из Писания.

И вот, постарев,

поседев в безнадёжной борьбе с энтропией,

устав от привычной сансары,

я вспомнила вдруг, что в учебнике —

обычном учебнике

военно-

полевой хирургии —

сказано чётко:

«Спешите не к тому, кто кричит, —

к тому, кто молчит».

* * *

Оттого что зима совершается вовремя, мне
Как-то легче на сердце и даже немного теплее.
Сокровеннейший жар затаился в её белизне,
Как бездымный огонь в глубине оснежённой аллеи.

Оттого что над городом кружится медленный снег,
Истончённая явь всё прозрачней и призрачней снится,
И глядит высота из-под низко опущенных век,
Чуть заметным штрихом изменяя привычные лица.

Это время земное проходит волна за волной,
Кроме явного смысла исполнено смысла иного,
Повествуя о жизни иной и о смерти иной,
По-иному звучать заставляя обычное слово.

* * *

Не понимая, как ведётся игра,
Путаясь, выламываясь за пределы,
Я исчезаю. Ты говоришь: «Хандра!»
Ты, вероятно, прав... Но не в этом дело.

Если ж не в этом, то чёрт его знает — в чём:
То ли входная дверь прогремела цепью,
То ли стена оскалилась кирпичом,
То ли сквозняк вздохнул и запахло степью —

Кожею сыромятной, сухой травой,
Горьким дымом, конским тревожным потом, —
То ли время дрогнуло тетивой,
То ли птенец вскрикнул перед полётом.

И за этим птичьим «была — не была!»,
За едва-едва ощутимой дрожью
Времени или треснувшего стекла
Каждый раз оживает одно и то же:

Близко и так мучительно далеко
(Вот оно, вот оно вьётся в пыли дорожной)
Неуловимое то, с чем идти легко,
С чем оставаться здесь никак невозможно.

* * *

Господи, взгляни на наши лица —
Ты сияешь славой в звёздном стане,
Господи, мы — птицы, только птицы,
Жизни еле слышное дыханье.

Наша плоть под солнцем истончилась,
Выветрились слёзы и улыбки,
Нашу тонкокость, легкокрылость
Лишь в полёте держит воздух зыбкий.

Господи, ну что ещё мы можем?
Только петь. Не помня о законе,
Петь одну любовь... И всё же, всё же —
Не сжимай в кулак своей ладони!

Елагин остров

На ботиночках шнуровка
Высока, остры коньки.
День — что яркая обновка,
И румяная торговка
Прославляет пирожки.

Вензелей переплетенье,
Жаркий пот, скользящий бег...
И — дворцовые ступени,
Львов чугунное терпенье,
В чёрных гривах — белый снег.

Всё расплывчатей и шире
Круг от прожитого дня.
На часах всё ниже гири,
Может быть, и правда — в мире
Нет и не было меня?

Только лёд прозрачно-ломкий,
Только взмахи детских рук,
Ивы у прибрежной кромки,
Звон коньков да сердца громкий,
Заполошно-частый стук.

* * *

В ночном безмолвии двора
И в торопливости прохожих,
В неумолимости оград
Мне будет чудиться всё то же —

Воспоминаний душный мех,
Больного сердца перебои
Да из окна чуть слышный смех
Несбывшегося — надо мною.

* * *

В этой комнате слышно, как ночью идут поезда
Где-то там глубоко под землёй, в бесконечном тоннеле...
Пережить бы ноябрь! Если Бог нас не выдаст, тогда
Не учует свинья и, глядишь, не сожрёт в самом деле.

Пережить бы ноябрь — чехарду приснопамятных дат,
Эти бурые листья со штемпелем на обороте,
Этот хриплый смешок, этот горло царапнувший взгляд,
Этот мертвенный отсвет в чернеющих окнах напротив.

Пережить бы ноябрь. Увидать сквозь сырую пургу
На январском листе птичьих лапок неровные строчки,
Лиловатые тени на мартовском сизом снегу,
Послабленье режима и всех приговоров отсрочки.

Пережить бы ноябрь... Ночь ерошит воронье перо,
Задувает под рёбра, где сердце стучит еле-еле.
И дрожит абажур. Это призрачный поезд метро,
Глухо лязгнув на стыках, промчался к неведомой цели.

* * *

Учимся ждать,
всю жизнь мы учимся ждать.

Ждём
рук материнских,
тёплой молочной груди,
ну хотя бы — пустышки.

Ждём
окончания «тихого часа»,
урока, четверти, школы,
рабочего долгого дня.

Ждём
улыбки, звонка,
письма,
невозможного счастья.

Ждём
маршрутку, автобус, трамвай,
ждём, когда вырастут дети.

Ждём
аванса, полочки,
отпуска, выходных,
вполне заслуженной пенсии,
какой-нибудь передышки.

Ждём
в очередях
за карточками, за талонами,
ждём в коридорах —
у кабинета врача,
у начальственной двери.

Ждём
холодов, листопада,

первого снега,
первой травинки.
Ждём
постоянно,
с надеждой ждём и безнадёжно,
с нетерпением и терпеливо,
ждём, стиснув зубы,
затаив дыхание —
ждём.
Учимся ждать.
Когда ж наконец мы дождёмся,
и ангел дежурный,
в неизвестность дверь приоткрыв,
вызовет: «Следующий!» —
только тогда
облегчённо
выдохнет каждый из нас:
«Вот он я, Господи!
Кажется, я научился!..»

* * *

По осени я вспоминаю ту
Классическую стрекозу из басни
И думаю: чем строже, тем напрасней
Мораль извечно судит красоту.

Пропела — ну какая в том беда? —
Коротенькое праздничное лето...
Как хорошо! Хоть кто-то в мире этом
Не ведал безысходности труда.

В минуту вдохновения её
Создал Господь из воздуха и света
И отпустил. И не спросил совета
У скучных и жестоких муравьёв.

* * *

К этой квартире, где прожито столько лет,
Так что можно вполне сойти за домового,
Где с чужой памятью собственный смешан бред,
Я подхожу и войти не решаюсь снова.

Там не укроешься: жизнь состоит из прорех
И по краям — густых отпечатков пальцев...
Лучше не думать, помнят ли вещи всех
Бывших хозяев, а точнее — постояльцев.

Тех, кто на пианино этом играл,
Мыл, убирал, тонко раскатывал тесто,
Думал, страдал, болел, потом — умирал,
Освобождая другим квартирантам место.

Что меня ждёт за дверью? Каким ещё
Дышащим зеркалам во мне предстоит разбиться?
Кто и за что сегодня предъявит счёт
И предложит с процентами расплатиться?

Прежде чем тяжестью лягут в ладонь ключи,
Сердце наполнив мерцающею тревогой,
Прежде чем этому сердцу сказать: «Молчи!» —
Надо ещё постоять, подождать немного.

Надо собраться с силами, перекурить,
Сжаться до точки, внутри себя бесконечной,
Чтобы потом решительно дверь отворить
И спокойно шагнуть темноте навстречу.

* * *

Апрельский день прочитан между строк.
В облупленной стене несвежей раной
Темнеют кирпичи. И водосток,
Вообразив себя трубой органной,

Прокашлялся и загудел. Под ним
На тротуаре — трещинок сплетенье,
И прошлогодний лист, весной гоним,
Плывет в небытие прозрачной тени.

И снова мир течёт сквозь решето
Фантазии, сквозь близорукость взгляда,
И мне не выразить словами то,
Что вновь его спасает от распада.

То, что я есть

То, что я есть, заставит меня быть.

В. Шекспир

То, что я есть, — в ночи крадущийся тать,
Карточный шулер с драными рукавами.
То, что я есть, заставляет меня хохотать,
Петь, исходить рифмованными словами.

То, что я есть, колпаком дурацким звеня,
Пляшет на самом краю карниза.
То, что я есть, шкуру сдирает с меня
И уверяет, что это — закон стриптиза.

То, что я есть, славу любви трубя,
Яростно шепчет через барьер столетья:
Знаешь, я никогда не любила тебя.
Больше того — никогда не жила на свете.

То, что я есть, всем и всему назло
Строит в ночи мосты, а с утра — взрывает.
То, что я есть, заставляет вращаться в седло
Именно когда из него выбивают.

То, что я есть, словно летучая мышь,
Криком своим пробивая в пространстве дыры,
Слепо летит и слушает эхо. Лишь
Эхо — свидетель существования мира.

То, что я есть, желая себя разбить,
Мечется нелепо и неосторожно.
То, что я есть, — меня заставляет быть,
И тут изменить уже ничего невозможно.

* * *

На горбатом мосту лишь асфальт да чугун,
Над мостом — проводов непонятный колтун.
Под горбатым мостом — всё бетон да гранит.
Воздух, скрученный эхом, гудит и звенит.

Только нежить-шишига* живёт — не живёт,
Чешет тощею лапкой мохнатый живот,
Утирает слезинку облезлым хвостом —
Под горбатым мостом, под горбатым мостом.

Будь ты крут и удачлив, а всё ж без креста
Не ходи лунной полночью мимо моста:
Скрипнет ветка сухая, вздохнут камыши,
В голове зазвучит: «Эй, мужик, попляши!»

И погаснет фонарь у тебя на пути,
И не сможешь стоять, и не сможешь уйти...
Тихо щёлкнут костяшки невидимых счёт —
И закружит прозрачных теней хоровод.

И пойдёшь ты плясать, сам не ведая где...
Всплеск — и только круги побегут по воде.
И ещё раз чуть слышно вздохнут камыши,
Вновь — бетон да гранит, и вокруг — ни души.

* Шишига — болотная нечисть (фольклор).

* * *

Дождь прошёл, и асфальт запарил,
И сиреневым выдохом влажным
Сквозь чугунные листья перил,
Над неубранным сором бумажным

Через узкий оконный проём
Потянуло свежо и тревожно,
И невидимое остриё
Прикоснулось к душе осторожной.

И кольнуло печалью иной,
Из иного, далёкого лета,
Где незримым крылом за спиной
Чуть колыхается воздух нагретый.

Где неистовая синева
С тополиной размешана вьюгой
И шальные, хмельные слова
На лету обгоняют друг друга,

Где сирень (ах, какая сирень!),
Словно облак душистый, клубится...
И трепещет лиловая тень
На невспаханном поле страницы.

* * *

Угаснет род. Последний император
Бездетен. И ему уже давно
Аукнулись все безрассудства, траты,
Победы, пораженья. Всё равно
Ему теперь — а что же дальше будет
С империей, с законом. Что закон?
Он понимает, что его забудут
Ещё во время пышных похорон.
Сквозь штукатурку дней едва сочтётся
За каплей капля — память. И порой
К дождю ужасно ноет поясница,
И мучают не раны — геморрой.
Все говорят, что он в маразме. Право,
Ему ведь безразлично, кто ему
Наследует и по какому праву...
Да, он, конечно, болен. Потому
Привычные дворцовые интриги
Плетутся, не беря его в расчёт,
И на столе пылятся свитки, книги,
Которые он в руки не берёт.
О чём он думает на самом деле?
Ведь боги ждут его... Однако же
Сомнительно, чтоб думал он о теле,
И мало вероятно — о душе.
А я — о чём? Чего мне не хватало,
Когда писался этот самый стих?
Как будто мне и правда было мало
Своих забот и горестей своих?

Но кажется — отыгранная пьеса,
Откланялись актёры в свой черёд...
А приглядишься — времени завеса
Колышется и действие — идёт.

* * *

Сон то разматывался, как пушистый клубок,
То распускался вербою по весне,
Сон мой был светел и так по-детски глубок,
Солнечный зайчик играл в его глубине.

Вдруг в него попытался кто-то войти,
Кто-то стучался, просил отворить скорей,
И убеждал, и умолял: «Пусти!» —
И задыхался возле самых дверей.

«Ах, неужели снова не отдохнуть!
Господи, я работала целый день...»
Впрочем, мне даже пальцем не шевельнуть —
Так глубока и так сладка моя лень.

Но чей-то голос, чей-то протяжный стон,
Перетекал в ещё не рождённый стих —
Кто-то ломился всем существом в мой сон,
Звал и хрипел и наконец затих.

Утром неясная боль сжимает виски,
Тёмной мутью поднявшись с ночного дна:
Кто-то не вынес холода и тоски,
Кто-то погиб на пороге чудного сна.

И ещё неосознанная вина
Цепляется, по краю души скользя,
И чья-то тень замерла на пороге сна —
И с этим поделать уже ничего нельзя.

Наставление сыну

Не копи барахла. Ты немного удержишь в руке.
От погони к тому же вернее уйдёшь налегке.
И запомни ещё то, что я повторяла не раз:
Ни одна из вещей никогда не заплачет о нас.

Одевайся лишь в чистое — мы ведь не знаем с тобой,
И не знает никто, когда примет последний свой бой.
В Бога веруй и кланяйся только Ему одному.
У людей не проси. Подрастёшь — сам поймёшь почему.

Если надо — дерись до конца. Но лежачих не бей.
Уважай всех крылатых — ворон, воробьёв, голубей.
И зверей уважай — помни, что и у них есть душа,
И всегда за душой — что у них, что у нас — ни гроша.

И ещё: если сможешь, стихом никогда не грехи —
Всё в бумагу уходит. Очнёшься, вокруг — ни души.
Лучше просто живи, не жалея ни сил, ни огня...
По родительским дням поминай, если вспомнишь, — меня.

* * *

Я хочу купить розу.
Хочу купить розу,
Как будто желаю дать шанс
Больному рабу —
Просто шанс умереть на свободе.
Хочу купить розу,
Но каждый раз что-то не так:
Не то что нет денег,
Не то чтоб последние деньги,
Но просто есть множество
Необходимых вещей.
Так много вещей.
И снова цветков остаётся
У смуглых лукавых торговцев
За пыльным стеклом.
А я ухожу,
Продвигаясь всё дальше и дальше
В то время, когда
Я и впрямь на последние деньги
Куплю себе розу.

* * *

Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор,
И, мучительно щурясь, как если бы выпал из ночи,
Понимаешь, что жив, незатейливо жив до сих пор.
То ли в списках забыт, то ли просто — на время отсрочен.

Сунув руки в карманы, по серому насту идёшь —
Обострившийся слух выделяет из общего хора
Ломкий хруст ледяной, шорох мусора, птичий галдёж,
Еле слышный обрывок старушечьего разговора:

«...мужикам хорошо: поживут, поживут и — помрут.
Ни забот, ни хлопот... Ты ж — измаешься в старости длинной,
Всё терпи да терпи...» — и сырой городской неуют
На осевшем снегу размывает сутулые спины.

Бормоча, что весь мир, как квартира, — то тесен, то пуст,
Подворотней бредёшь за кирпичные стены колодца,
И навстречу тебе влажно дышит очнувшийся куст,
Воробьи гомонят, и высокое небо смеётся.

* * *

У меня в кармане правом
Полновесные каштаны —
Шелковистые, тугие,
В шоколадной кожуре.

У меня в кармане левом
Желудей тяжёлых россыпь —
Золотистых и округлых,
Смуглым солнцем налитых.

Погружаю в них ладони,
Щедро черпаю горстями
И, подбрасывая к небу,
Рассыпаю по земле.

Вот оно — моё богатство,
Плоть моя, моё дыханье,
Тихий смех, неугасимый
Отсвет вечности во мне.

* * *

Не печалься, душа. Среди русских воспетых полей
И чухонских болот, пустырей обречённого града
Ничего не страшись. О сиротстве своём не жалей.
Ни о чём не жалей. Ни пощады не жди, ни награды.

Нас никто не обязан любить. Нам никто ничего
В холодеющем мире, конечно, не должен. И всё же
Не печалься, душа. Не сбивайся с пути своего,
Беспокойным огнём ледяную пустыню тревожа,

Согревая пространство собою всему вопреки,
Предпочтя бесконечность свободы — законам и срокам,
На крыло поднимаясь над гладью последней реки,
Раскаляясь любовью в полёте слепом и высоком.

* * *

Смерть в окно постучится однажды
Лунной ночью или пасмурным днём,
И к плечу прикоснётся, и скажет:
«Ты довольно грешила. Пойдём».

И в полёте уже равнодушно
Я взгляну с ледяной высоты
И увижу, как площади кружат
И вздымаются к небу мосты.

За лесами потянутся степи,
Замелькают квадраты полей,
Но ничто не кольнёт, не зацепит
И души не коснётся моей.

Лишь пронзительно и сиротливо
Над какой-нибудь тихой рекой
Свистнет ветер и старая ива
Покачает корявой рукой.

Камышами поклонится берег,
И подёрнется рябью вода,
И тогда я, пожалуй, поверю,
Что прощаюсь и впрямь — навсегда.

И, быть может, на миг затоскую,
Увидав далеко-далеко
На земле возле стога — гнедую
Со своим золотым стригунком.

И рванусь, и заплачу бесслёзно,
И беспаятству смерти назло
Понесу к холодеющим звёздам
Вечной боли живое тепло.

Идиллический сон

Мне приснилась жизнь совсем иная,
Так приснилась, будто наяву:
Лошади вздыхают, окуная
Морды в серебристую траву.

До краёв наполнив звёздный улей,
Светлый мёд стекает с тёмных грив.
На земле табунщики уснули,
Сёдла под затылки подложив.

Светлый пот блестит на тёмных лицах,
На остывших углях костерка,
Склеивает сонные ресницы
И былинки около виска.

Спят они, пока вздыхают кони,
Вздрагивая чуткою спиной.
И полны ещё мои ладони
Горьковатой свежести ночной.

Спят, пока обратно не качнётся
Маятник мгновенья и пока
Хрупкого покоя не коснётся
Снов моих невнятная тоска.

* * *

Подари мне ещё десять лет,
Десять лет,
Да в степи,
Да в седле.

В. Соснора. «Обращение»

Всё спокойней, ровнее и тише
Дышит полдень, и, солнцем прошит,
Сизоватый бурьян Прииртышья
Под копытами сухо шуршит.

А каких я кровей — так ли важно
Раскалённой степной синеве...
Голос резок, а песня — протяжна,
И кузнечик стрекочет в траве.

Ни друзей, ни далёкого дома —
Только стрекот, да шорох, да зной.
Без дорог за черту окоёма
Седока унесёт вороной.

Бросить повод, и руки раскинуть,
И лететь, и лететь в никуда —
Затеряться, без имени сгинуть,
Чтоб — ни эха и чтоб — ни следа.

Вот я, Господи, — малая точка
На возлюбленной горькой земле,
И дана мне всего лишь отсрочка —
Десять жизней — в степи и в седле.

Котёнок

Он распугал всех кур, пусть неумело,
А всё же — прыгнув из-за лопуха.
Он маленький, но он ужасно смелый,
И он идёт — один — на петуха.

А тот разинул клюв и в удивленье
Застыл на миг от наглости такой.
Короче, храбреца спасло мгновенье.
А может быть, судьба моей рукой

Похитила у смерти неминучей...
И вовремя: вздымая прах и пух,
Нас до крыльца, подобно пыльной туче,
Преследовал разгневанный петух.

Котёнок выжил в этом переплёте,
Но вскоре сгинул где-то ни за грош.
Всего-то лишь — комочек тёплой плоти.
Зачем он был? И разве разберёшь

Его узор в сплошном переплетенье
Рождений и смертей? И мне в ответ
Младенчески смеётся день весенний,
Сияя и расплёскивая свет.

* * *

А у неё проточина на лбу
Такая белая и чёлка — золотая,
Я в поводу веду её в табун,
Под сапогами чавкает густая,
Как тесто, глина. Где-то в стороне
Урчит сердито трактор. И усталость
К её хребтистой старческой спине
Присохла, словно струп. А мне осталось
Уздечку снять, по шее потрепать
И постоять ещё минуту рядом,
В кармане корку хлеба отыскать
И протянуть ей. И окинуть взглядом
Больные ноги, вислюю губу,
И тощих рёбер выпуклые строки,
И белую проточину на лбу,
И под глазами мутные потёки.
И на мгновение увидеть в ней,
В глубинах ускользающе-бездонных
Священное безумие коней,
Разбивших колесницу Фаэтона.

* * *

На Северном рынке снег нынче почти что растаял,
А воздух от запахов густ и как будто бы сжат...
Две псины остались от всей уничтоженной стаи
И серыми шапками около входа лежат.

Свернулись в два грязных клубка неподвижно и молча,
За ними ларьки кособоко равняются в ряд.
Всего-то две псины. Но как-то уж очень по-волчьи
Они исподлобья на мимоидущих глядят.

Ну как им расскажешь, что люди не слишком жестоки,
Хотя и богами считать их, увы, ни к чему —
Не нами расчислены наши короткие сроки,
И всех нас когда-нибудь выловят по одному.

Над нами судьба по-вороньи заходит кругами,
Вот — рухнет в пике и добычи своей не отдаст...
Собаки молчат.
Под ботинками и сапогами
Тихонько хрустит обречённо подтаявший наст.

* * *

Из многих пёстрых видеосюжетов,
Которыми нас кормит телевизор,
Засел осколком в памяти один,
Где люди в серой милицейской форме
Бездомную собаку расстреляли
У мусорного бака во дворе.
Она сначала всё хвостом виляла
И взвизгнула, когда раздался выстрел,
Ей лапу перебивший. А потом
Всё поняла и поднялась. И молча
Стояла и смотрела неотрывно
На тех или сквозь тех, кто убивал.
Я видела, как люди умирают,
Я зло довольно часто причиняла,
И мне ответно причиняли боль.
Я знаю точно: каждую минуту,
Когда мы пьём, едим, смеёмся, плачем
По пустякам, когда, закрыв глаза,
В объятиях любимых замираем,
Обильнейшую жатву собирают
Страдания и смерть по всей земле.
Конечно же, бездомная собака,
Расстрелянная где-то на помойке,
Не более чем капля. Но и всё ж...
Собаки умирают нынче стоя,
А люди, утерав свой прежний облик,
Иное обретают естество,
Столь чуждое и страшное, что разум
Смущается и сердце замирает,
Пытаясь в бездну правды заглянуть.

Мариенбург

1

Сквозь едкий дым дешёвых сигарет,
Сквозь крохотное спичечное пламя
Недолгой памяти ещё глядит мне вслед
Скупыми станционными огнями
Мариенбург. И снова я лечу,
Прижавшись низко к шее лошадиной,
Дорожкой парка бесконечно длинной,
И веточки стегают по плечу.
Из поселковой церкви, с привокзальной
Пустынной улочки, вечерний тихий звон
Плывёт и замирает, будто стон —
Не то призывный стон, не то — прощальный.
И голубь у дороги сиротливо
Воркует всё: «...умру...умру...умру...»
И треплются нечёсанные гривы
На душу выдувающим ветру.

Мне уже никогда не вернуться туда,
Где в глубоких прудах остывает вода,
Словно времени тёмный и терпкий настой,
Горьковато-полынный, недвижно-густой,

Где в закатных окошках мутнеет слюда,
Где, качаясь на лапах еловых, звезда
Подлетает всё выше и месяц над ней
С каждым взмахом всё тоньше и словно ясней.

И в траве разогретой, глубокой, как сон,
Мне уже не услышать сквозь стрекот и звон,
Сквозь плывущий под веками медленный зной,
Как шуршат облака — высоко надо мной.

Никогда — это веточки сломанной хруст,
На иных берегах расцветающий куст,
Это голос, летящий сквозь мёртвую тишь,
Долгим эхом становится. И только лишь,

Задержавшись над лугом, дыханье моё
Всё колышет былинки сухой остриё,
Да ещё отраженья на глади пруда
Смотрят в синюю бездну чужих «никогда».

3

В краю далёком, в городе Марии
Душа осталась пленною навек.
Озябший парк и улицы пустые
Заносит снег, заносит первый снег.

Там стук копыт и глухо, и тревожно
Трёхтактным ритмом разбивает тишь
И сонные деревья осторожно
Нашёптывают: «Стой... Куда спешишь?..»

А небо отчуждённо и высоко,
И хрупкий лист ложится в снежный прах.
И скачут кони далеко-далёко,
И ветер сушит слёзы на глазах.

* * *

Охлюпкой, стараясь не ёрзать
По слишком костистой спине,
Я в Богом забытую Торзать
Въезжаю на рыжем коне.

Деревня глухая, бухая,
Вблизи бывшей зоны. И тут
Потомки былых вертухаев
Да зэков потомки живут.

В пылище копаются куры,
Глядит из канавы свинья:
Что взять с городской этой дуры?
А дура, понятно же, — я.

А дура трусит за деревню
Туда, где и впрямь до небес
Поднялся торжественно-древний,
Никем не измеренный лес.

Где пахнет созревшей хвоей,
Где тени баюкают взгляд,
И столько же ровно покоя,
Как десять столетий назад.

Где я ни копейки не значу,
А время, как ствол под пилой,
Сочится горючей, горячей
Прозрачной еловой смолой.

* * *

Рыжая псина с пушистым хвостом
Дремлет в тенёчке под пыльным кустом
И, полусонная, в жарком паху
Ловит и клацает злую блоху.

Рядом, приняв озабоченный вид,
Вслед за голубкой своей семенит
Самый влюблённый из всех голубей...
На воробья налетел воробей —

Бьются взъерошенные драчуны,
Не замечая, что к ним вдоль стены
Тихо крадётся, почти что ползёт
Весь напряжённый, пружинистый кот.

Как хорошо, что они ещё есть
В мире, где горестей не перечесать,
В мире, дрожащем у самой черты, —
Голуби, псы, воробьи и коты.

Трёхстрочия

* * *

купила проездной —
нет, не дождусь
счастливого билета.

* * *

утром в небо взглянула,
а там — пустота:
ласточки улетели.

* * *

после грозы
капли дрожат на ветвях —
тихо смеются деревья.

* * *

тёмная влага на сучьях
подстриженной липы —
дерево плачет безмолвно.

* * *

сломанной ветке
вновь зеленеть по весне,
но на иных берегах.

* * *

Я скорее всего просто-напросто недоустала
Для того, чтобы рухнуть без рифм и без мыслей в кровать.
Что ж, сиди и следи, как полуночи тонкое жало
Слепо шарит в груди и не может до сердца достать.

Как в пугливой тиши, набухая, срываются звуки —
Это просто за стенкой стучит водяной метроном.
Как пульсирует свет ночника от густеющей муки,
Как струится сквозняк, как беснуется снег за окном.

То ли это пурга, то ли — полузабытые числа
Бьются в тёмную память, как снежные хлопья — в стекло.
Жизнь тяжёлою каплей на кухонном кране зависла
И не может упасть, притяженью земному назло.

Троллейбус

Неизвестным безумцем когда-то
Прямо к низкому небу пришит,
Он плывёт — неуклюжий, рогатый —
И железным нутром дребезжит.

Он плывёт и вздыхает так грустно,
И дверьми так надсадно скрипит,
А в салоне просторно и пусто,
И водитель как будто бы спит.

И кондуктор слегка пьяноватый
На сиденье потёртом умолк.
Ни с кого не взимается плата,
И на кассе ржавеет замок.

Он плывёт в бесконечности зыбкой,
В безымянном маршрутном кольце
С глуповато-наивной улыбкой
На глазастом и плоском лице.

И плывут в городском междустрочье
Сквозь кирпично-асфальтовый бред
Парусов истрепавшихся клочья
И над мачтами призрачный свет.

* * *

Когда сквозь дым и суету,
Сквозь запах шашлыка и пива
Размытым берегом залива
Я безнадёжно побреду

По серому песку,
Тогда
В случайном и нестройном хоре
Я вдруг услышу голос моря —
Непостижимый, как всегда.

Прорежет воздух птичий крик,
И ветер, чешущий осоку,
Очнётся и взлетит высоко.
И запоёт иной тростник.

Иной —
 о яростных мечтах,
О чёрных кораблях смолёных,
Мечах, от жажды раскалённых
И медноблещущих щитах.

О том, как, разбиваясь врызг
И возрождаясь без потери,
Иные волны хлещут берег
Осколками счастливых брызг.

* * *

Воздух густ и влажно-фиолетов.
Как во сне, замедленно летишь
Сквозь него, сквозь питерское лето:
Грозы — днём, а вечерами — тишь.

Чуть слышны шагов глухие всхлипы,
Да ещё, влюблённым на беду,
Страстью и тревогой дышат липы
В обморочно замершем саду.

* * *

Князь-Владимира сын Позвизд —
Звёздный морок, стрелы посвист.
Потревоженное моими —
Столь чужими — губами имя
Дрогнет дудочкой тростниковой,
Резко звякнет в ночи подковой,
Разъярится в разбеге вьюжном,
Вспыхнет на рукаве кольчужном,
Чиркнет ласточкой острокрылой —
Будто знала я, да забыла.
Будто время от боли сжалось,
Будто жизни на вскрик осталось...
И — потухнет, замрёт... Позвизд —
Звёздный морок, стрелы посвист.

Порхов

Медленно тающий
Зыбким своим отражением
В тихой реке,
Чьё забытое имя — как вздох,

Город, похожий на
Воспоминанье о городе —
Шорох дождя,
Полыхающая бузина.

Зябкая, хрупкая
Бабушка с детской улыбкою
Кротко вздохнёт,
Отпирая тяжёлую дверь

В царство безмолвное
Старых афиш, фотокарточек,
Тёмных икон,
Утюгов, самоваров, монет.

Тихие заводы,
Странные омуты времени,
Тонкая связь
Неисчисленных координат.

Морщится гладь,
И дробится моё отражение
Прежде, чем я
Успеваю его разглядеть.

* * *

Когда зацветёт «декабрист»,
И шторы раздвинутся шире,
Мир, запертый в тесной квартире,
Вдруг станет просторен и чист —
Когда в декабре обветшалом
Лучистым фонариком алым
Невзрачный украсится лист.

Когда на холодном окне
В белёсой пустыне бесплодной
Цветок оживёт благородный,
В морозы желанный вдвойне —
Судьбы ненадёжные звенья,
Рассыплются наши мгновенья
И тень пробежит по стене.

Когда «декабрист» зацветёт
Над тёмным и гулким колодцем,
Наш маятник резко качнётся,
Сметая костяшки со счёта.
И всё повторится: метели,
Печаль Рождества и веселье,
И — к новой весне поворот.

* * *

Звучат шаги размеренно и чётко,
В неверном свете редких фонарей
Дрожат ограды кованые чётки
И ветка, наклонённая над ней.

Лишь хлопнет дверь, и снова только эхо
Невидимым конвоем за спиной
Да еле слышный отголосок смеха
Там, на мосту, над чёрной глубиной.

И плавится в ночном канале город,
Изнемогая от дождей и смут...
Объятия Казанского собора
Ещё распахнуты, ещё кого-то ждут.

* * *

Чай с вишнёвым вареньем — о Господи, счастье какое! —
Розовеет окно за дремотными складками штор,
Добродушнейший чайник лучится теплом и покоем,
Тихо звякает ложечка о мелодичный фарфор.

Чай с вишнёвым вареньем — о Господи, хоть на минуту
Задержи, не стирай эту комнату, штору, окно —
Неизведанный мир, детский образ чужого уюта,
Недосмотренный сон, дуновение жизни иной.

Гренадёрский мост

Спешит прохожий запоздалый,
Звенит задумчивый трамвай,
Волна баюкает устало
Луны подмокший каравай.

Дома, прищурясь близоруко,
Сберечь пытаются тепло,
Слезится в бесполезной муке
Часов разбитое стекло.

А мне, шепча чужое имя,
Брести сквозь зябкий неуют,
Пока душа навек не примет,
Как боль последнюю свою,

Глухую песню стен кирпичных,
Посеребрённую луной,
И минареты труб фабричных
Над Выборгскою стороной.

* * *

Меж домами пространство сгущается, словно смола,
Покрываясь ледком в предвесенние звонкие ночи.
Вот в проулке луна желтоватую лампу зажгла
И тревожащим светом пугливых прохожих морочит.

Написав пару глупостей на терпеливом листе,
Я к стеклу прижимаюсь лицом и далёко, далёко
За морозными окнами вижу бескрайнюю степь
И всё той же луны желтоватое, круглое око.

И матёрый бирюк*, обманувший судьбу в сотый раз,
На подтаявшем насте худыми боками поводит
И спокойно глядит на туманно мерцающий лаз
В бесконечность, куда от последней погони уходят.

* Бирюк — волк, живущий вне стаи.

* * *

А в декабре бесснежном и бессонном
Бежит трамвай со звоном обречённым
И пешеходы движутся вперёд,
Как будто их и правда кто-то ждёт.

И пропадают в трещине витрины
Чужие лица, каменные спины,
А следом отражение моё
Торопится, спешит в небытиё.

Любимый муж, любовник нелюбимый,
Эквилибристы, акробаты, мимы
Бредут сквозь ночь дорогами тоски...
И время слепо ломится в виски.

Стук метронома, взвинченные нервы,
Брандмауэра тёмный монолит...
Который час — последний или первый
По грубым кружкам вечности разлит?

Который — разошедшийся кругами?..
Но подворотня давится шагами,
Невнятно матерится инвалид,
И Млечный Путь над крышами пылит.

Вечернее

День кончился — и слава богу.
И если взглянешь из окна —
Там по-осеннему темна
И по-осеннему убога
Ослепшей фабрики стена.

На кухне охает соседка,
В шкафу посуда дребезжит,
И, тонким холодом прошит,
Качает ветер тень от ветки
И сухо листьями шуршит.

А тут у нас с тобою всё же
Светло и — чайник на столе...
Исчезло прошлое в золе,
И каждый день так ненадёжен —
Но что надёжно на земле?

Что нашей хрупкости прочнее?
На сердце руку положив,
Скажу: хоть прост был наш мотив —
Есть и сложнее, и звучнее, —
Он не был никогда фальшив.

В нём — наших судеб перекрестье,
Вернейшая из всех защит.
Пусть время то ползёт, то мчит —
Мы сквозь него прорвались вместе,
И вечность нас не разлучит.

Удельная

А давай-ка дойдём до шалманчика средней руки,
Где шумит переезд и народ ошивается всякий,
Где свистят электрички и охают товарняки,
Где шныряют цыгане, где дня не бывает без драки,

Где торгуют грибами и зеленью, где алкаши
Над каким-нибудь хлипким пучком ерунды огородной
Каменеют, как сизые будды, и где для души
На любой барахолке отыщется всё, что угодно,

Где базар и вокзал, неурядица и неуют,
Где угрюмо глядит на прохожих кудлатая стая,
Где, мотив переврав, голосами дурными поют,
И ты всё-таки слушаешь, слёзы дурные глотая.

Там хозяин душевен, хотя и насмешлив на вид —
У него за прилавком шкворчит и звенит на прилавке.
Он всего лишь за деньги такое тебе сотворит,
Что забудешь про всё и, ей-богу, попросишь добавки.

Он, конечно, волшебник. Он каждого видит насквозь
И в шалманчике этом работает лишь по привычке.
Вот, а ты говоришь: «Всё бессмысленно...» Ты это брось!..
И опять — перестук да пронзительный свист электрички.

* * *

Остерегаюсь
ленивых коней,
сентиментальных мужчин
и женщин мужеподобных.
Первые непредсказуемы,
вторые
склонны к жестокости,
в третьих полно
тлеющей вредности бабьей.
Всю жизнь
я их опасаюсь,
стараюсь держаться подальше.
Но
у первых такой кроткий взгляд,
вторые
так красноречивы,
а третьих
патологически жалко.
К тому же,
если в себя заглянуть
спокойно и беспристрастно —
нечто ведь есть и во мне
от первых,
вторых
и — от третьих.

* * *

Не задумываясь, трачу
Всё, что можно и нельзя...
За удачу, за удачу
Выпьем, милые друзья!

За удачу, за удачу,
Что одним движеньем рук,
Резким выдохом горячим
Размыкает жёсткий круг.

И ведёт сквозь жар и холод
Всех, кто ярче и смелей,
Всех, кто яростен и молод,
Всех, кто просто верен ей.

Два варианта

Отдать долги и жить спокойно.
Пить крепкий кофе по утрам.
Газету не читать — там войны,
Реформы, цены, прочий хлам.

Читать рассказы и романы,
Которым лет не меньше ста,
И на старинном фортепьяно
Этюды разбирать с листа.

Слегка страдать от геморроя,
Найдя в том пользу для души.
Под настроение порою
Стишки пописывать в тиши.

Нет, не писать. Пусть Пушкин пишет.
А впрочем — написал уже...
Пусть у других съезжает крыша
От рассуждений о душе.

И — не читать. Играть на нервах,
Само собою — на чужих.
Оно приятнее, во-первых,
И безопасней, во-вторых.

Играть в одни стрелялки только —
Под пиво, эдак после дел.
Долгов не отдавать, поскольку
Делиться, типа, Бог велел.

* * *

Думал — Дед Мороз приходит к детям,
Оказалось — дяденька за деньги.
Думал — это крылья вырастают,
Оказалось — уровень гормонов.

Думал — это минимум до гроба,
Оказалось — на год не хватило.
Думал — потерпеть ещё немного,
Оказалось — минимум до гроба.

Думал, что выходит на свободу,
Оказалось — в камеру другую.
Думал, прямо к Богу постучался,
Оказалось — адресом ошибся.

Думал — вот без этого уж точно
Жить нельзя. А оказалось — можно.
Думал — выжил!.. Ну теперь-то можно...
Оказалось — время жизни вышло.

* * *

Целый день чинили крышу
Ты да я да мы с тобой.
Пробивалась муза свыше —
Вышел музе непробой.

Вдохновенье обломилось,
Вся рассыпалась строка...
Ах, за что, скажи на милость,
Аполлон нам дал пинка?

«Глянь, — кричит, — с суконной рожей,
А туда ж — в калашный ряд!
На поэта не похожа!
Кыш! Тебе, блин, говорят!»

Муза — в слёзы: ей досадно.
Но сказала я: «Не плачь!
Живы? — Живы. Вот и ладно!
Мало ль в жизни незадач?

Кифаред воротит рыло?
Да и плюнь ты на козла!»
Постояла, покурила
И за реечкой пошла.

Попытка начать новую жизнь

Бог наказал расстройством ЖКТ
Меня за безобразное обжорство.
Теперь сижу, грызу сухарик чёрствый,
И думаю — ну да — о суете

И бренности, увы, всего земного.
Ромашку пью и трескаю сорбент,
В сортир влетаю за один момент,
А после чинно пью ромашку снова.

Ах, будь они неладны — шашлыки,
И острый соус, и ещё — винишко,
Которого, пожалуй, было слишком,
И хохмочки, и стрёмные стишки,

Которыми я слух друзей терзала,
Пытаясь удивить невесть кого
Невесть — зачем, а только и всего,
Что просто воздух даром сотрясала.

Я больше никогда, нет, НИ-КОГ-ДА
Не дам себе подобную поблажку.
Я буду кушать кашку, только кашку,
Основа коей — чистая вода.

Диета и зарядочка с утра!
О сигаретах больше нет и речи...
Здоровый образ жи...
Мне вроде легче...
Ей-богу, легче!
Кофе пить пора!

В духе куртуазного маньеризма

Ежедневно, ежечасно,
Нынче там, а завтра — тут
Волны глупости прекрасной
Лодку лёгкую несут.

Волны глупости роскошной,
Будто в раннем детстве — сны,
Беспечальны, бестревожны
И воистину вольны.

Волнам глупости — безопасно
Пену в кружево свивать.
Мимолётно или вечно —
Мне на это наплевать.

Косяками ходит рыба,
Светит солнца медный грош...
За «орла» — судьбе спасибо,
Ну а если «решка» — что ж,

Пусть рокочут громогласно
В дикой пляске штормовой
Волны глупости прекрасной
Над моею головой.

* * *

— Извините, я немного Бетховен на это ухо.

— Хорошо, что не Ван Гог.

Из разговора

Я на левое ухо — Бетховен,
А на правое ухо — Ван Гог.
И герр Питер средь разных диковин
Меня б заспиртовал, если б мог.

Но сравнения падают в лузу,
Словно шарики. Так, например,
Я на правое око — Кутузов,
А на левое — явно Гомер.

Я — Маресьев на левую ногу,
Хоть ты смейся, пожалуй, хоть плачь.
А на правую ногу, ей-богу,
Я — Джон Сильвер, искатель удач.

И без всякого газа и флёра
Я скажу, чтоб прошибла вас дрожь:
Я на левую руку — Венера,
А на правую — Нельсон. Так что ж?

Что там уши да очи — взгляни-ка:
Я на самом-то деле, увы, —
Просто Самофракийская Ника
В отношеньи своей головы.

* * *

Решила навести порядок в доме.
И навела.
Потом уж заодно
Со старыми долгами рассчиталась,
Со всеми помирилась,
И тогда
Мне стало почему-то неуютно:
Как говорится — можно помирать.
Ну нет! Пойду, пожалуй, до полочки
Стрельну...
Потом поссорюсь с кем-нибудь.

А беспорядок — дело наживное.

* * *

Б. Г. Друяну и Д. П. Шулаевой

Прибавляю даже в росте
От нежданного счастья:
Я иду к Друяну в гости,
Я скажу Друяну: «Здрате!»

Я с Друяном выпью водки,
С Диной Павловной — тоже,
Чтоб сиять светло и кротко
За столом хмельною рожей.

А душе довольно крошек,
Чтоб кулак её разжался,
Чтобы жизни медный грошик
Сторублёвкой показался.

* * *

Похолодало резко. Лишь вчера
Разбойный ветер рвал с деревьев листья,
И в грязь бросал, и шлёпал мокрой кистью.
А нынче словно росчерком пера
Всё изменилось: истончился куст,
И на берёзовой прозрачной ветке
Позвякивают редкие монетки,
И странно резок непривычный хруст
Под каблуком. Подмёрзшая земля
Застыла в бесприютности дорожной.
Но вздрагивает конь мой и, тревожно
Пофыркивая, просится в поля,
Где так пронзителен и звонок свет,
И безграничен так, что сердцу тесно,
И меж земной дорогой и небесной
Уже почти совсем преграды нет.

* * *

Господи всемогущий,
увеличь мои сутки
хотя бы на полчаса,
чтоб могла я заняться
чем-то вполне бесполезным —
лёгким, как воздух,
плывущим,
чуть горьковатым на вкус,
к примеру французской грамматикой.

Господи милосердный,
Ты меня знаешь
лучше меня самой.
Ты знаешь точно:
мне ведь только позволь,
уступи хоть немного —
и я начну кланчить
всё больше
и всё будет мало.
В итоге понять захочу,
на каком языке
деревья беседуют с птицами.

Господи беспечальный,
Ты разъясняешь,
Ты позволяешь понять:
за временем — не к Тебе,
у Тебя его нет,
у Тебя только вечность.

А язык деревьев и птиц
ясен и так.
Надобно только прислушаться.

Осень

Это всё уже было когда-то:
Подворотня, стена, водосток,
В пальцах старческих и узловатых
Слишком яркий пахучий цветок.

Всё привычно и очень похоже:
Пестрота, а потом — нагота...
Но тревожит, сознайся, тревожит,
Словно вечно играет с листа.

Потому что опять приоткрылись
В неуюте покинутых гнёзд
Высота как последняя милость
И простор — бесконечный до слёз.

Мальский погост

Вместе с белою звонницей древней
Церковь спряталась в самом низке,
От холмов, от полей, от деревни
Убежав к обмелевшей реке.

И, быть может, поэтому только
На земле уцелела она —
В груды мусора, в хаос осколков,
В облак пыли не превращена.

Схоронившись под влажною сенью,
Под отчаянным взмахом креста,
Всё, мне кажется, ищет спасенья
Та испуганная красота...

Непривычную нежностью знобкой
Дрогнет сердце, когда пред тобой
Улыбнётся печально и робко
Меж берёз — куполок голубой.

* * *

Бездумно провалялась целый день,
Простуде предпочтя без боя сдатьсь.
И вот теперь за собственную лень
Перед собой пытаюсь оправдаться:

«Ну полежала, отдохнула... Да.
Неделя суеты, и всё такое...
Усталость... Возраст... В общем — ерунда.
Пусть воли нет, зато чуть-чуть покоя

Мне выпало...»
Но тающий в окне
Вечерний свет спокойный и серьёзный —
Он кроток был. И стыдно стало мне
Пред истиной его простой и грозной.

Как будто бы не день один, но — жизнь,
Где этот день сменялся многократно,
Растрочена на сны и миражи —
Бесмысленно, бездарно, безвозвратно.

Переводы

Когда тебя сомнения изгрызли
И сузилось пространство для полёта,
Возьми чужой язык, чужие мысли —
Ремесленником скромным поработай.

Измучайся, но рифме дай огранку,
Расставь слова в чужом размере тесном.
Хоть вывернись, пожалуй, наизнанку,
А всё ж — освойся в мире неизвестном.

Трудись, как вол, в терпенье и смиренье,
Не ной, что понапрасну тратишь силы,
Что отблески чужого вдохновенья
Тебя лишь только дразнят легкокрыло.

Не жалуйся, что жизнь проходит мимо:
Ведь, притворяясь лёгким и случайным,
Как смерть и как любовь, неотвратимо
Оно придёт в свой час тропкою тайной,

Чтоб снова выжечь сердце.

* * *

Не возьмишь мою душу живу...

М. Цветаева

Сегодня, несмотря на спешку,
Я в самой середине дня
На полчаса зайду в кафешку,
В кармане мелочью звеня.

И там, представьте, будет тихо,
Тепло, свободно и светло.
И я, поняв, что дремлет лихо,
Что мне безумно повезло,

На целых полчаса забуду
Жужжание обид и бед:
Немытые полы, посуду,
Неприготовленный обед.

Свободе больше не переча,
Так бесконвойно задышу,
Что словно полечу навстречу
Рифмованному миру,

И, обретая душу живу,
Иные слыша голоса,
Я стану наконец счастливой —
На полчаса, на полчаса.

* * *

Здесь никто никого не жалеет.
За привычную гладкость фраз
Нелюбовь уголёчками тлеет
В глубине этих выцветших глаз.

Здесь никто никому не поможет
И с пути своего не свернёт.
Только цену твою подытожит
Равнодушное щёлканье счёт.

Здесь чем ты холоднее, тем круче...
Но ведь кто-то шепнул мне: «Живи
Со своим бесполезным, певучим
И мучительным жаром в крови!»

В нелогичном, непознанном мире,
Где всей жизни на вздох или взмах,
И слеза тяжелее, чем гиря,
На божественно-шатких весах.

* * *

И вновь запела скрипка у метро
О чём-то мимолётном и печальном,
Ненужном, неоплаканном, случайном —
О гулкой бесприютности дворов,
О стихнувших шагах твоих, о том,
Чему уже вовек не повториться,
О стёртых именах, забытых лицах,
О доме, предназначенном на слом.
Я не хочу ни знать, ни вспоминать.
Скрипач, прошу тебя, смычка не трогай —
О безнадёжной хрупкости земного
Земному не спеши напоминать.
Да и мотив затаскан, полужив,
Как с времени полученная сдача...
А я над ерундою этой плачу,
В пустой футляр червонец положив.

Разрушение фабрики

В ворота
с нетерпеливым урчанием
врываються грузовики,
чтоб после,
взрѣвая от натуги,
переваливаясь и оседа,
словно бы озираясь,
ползти потихоньку обратно.
Из-под их бортов
сочится капля за каплей,
течѣт по асфальту,
струится
сухая кирпичная кровь.
За воротами
с лязгом и скрежетом
огромная челюсть
жадно вгрызается
в тѣмно-красную плоть,
в бесстыдно разодранные,
вывернутые наизнанку
потроха перекрытий.
Рушится всё.
В грохочущем воздухе виснет
красно-бурый туман,
мелькают чѣрные тени.
Азарт разрушения
перерастает в экстаз,
почти что в истерику.

Слитный
механический вопль
раскаляется до нестерпимого визга
и обрывается.
В обморочной тишине
среди праха осевшего,
среди мёртвых обломков
кирпича и железа
заводская труба
отчаянно тянется к небу.
А в окна
последней стены,
отделяющей
одну пустоту от другой,
удивлённо заглядывает
осколок лазури.

* * *

Неужели и меня не беды
Источили, но обычный быт?
Неужели тихую победу
Одержала мелочность обид?

Неужели жизнь меня догнала?
Так легко берущая разбег,
Неужели это я устало
Не смотрю из-под набрякших век,

Но украдкой, как-то воровато,
Взглядываю в небо, где горя
Отражённым пламенем заката,
Плавится осколок фонаря?

Неужели я за чашку чая,
За кусок из общего котла,
Перемен в себе не замечая,
Право первородства продала?

* * *

Падаю слётком из обжитого гнезда
Не зная куда —
К небу, или же камнем — вниз...
«Вернись! Вернись!» —
Кричит, в комочек сжавшись, душа.
Почти не дыша,
Падаю.
А всему виной
За спиной
Крылья — им не терпелось в полёт.
И вот
Падаю, моля их, чтоб не подвели —
Раскрылись у самой земли.

* * *

Тщетно отряхиваясь от бытовой шелухи,
Кажется, в ночь с воскресенья на понедельник,
Я поняла, что рай — это место, где можно писать стихи
И никто не подумает даже, что ты — бездельник.

Там, в раю, моя фляжка всегда полна
Свежей водой, и, что особенно важно,
Там для меня есть время и — тишина
И карандаш, как посох в пустыне бумажной.

Можно идти, оставляя чуть видный след,
Вырвавшись из коридоров и кухонь душевных...
Самое главное: там начальников нет —
Добрых, злых, жестоких, великодушных.

И вот, когда недожаренные петухи
Готовятся клюнуть, ибо в окне — светает,
Я думаю, рай — это место, где можно писать стихи,
Подозреваю, что там их никто не читает.

* * *

Отец мой был похож на волка —
И сед, и зол, и одинок.
Лишь на руке его наколка —
Раскрывший крылья голубок.

Нелепо и довольно криво
Он всё летит из дальних стран,
Где сильный, молодой, красивый,
Мой батя не от водки пьян.

Где мать жива. А я, быть может,
В проекте или даже — нет.
Где лёгкие тихонько гложет
Дымок болгарских сигарет.

И, напрочь забывая лица,
Сквозь морок, суету и тлен
Я снова вижу эту птицу,
Летящую средь вздутых вен.

И в зеркале заморожено
Ловлю который раз подряд
Всё тот же странно-напряжённый,
Неуловимо волчий взгляд.

* * *

Дымной тенью, тонкой болью
С явью сон непрочно сшит...
Привкус горечи и соли —
Одинокий воин в поле
За судьбой своей спешит.

Словно бы неторопливый
Мерный бег, широкий мах.
Птица стонет сиротливо,
Тускло вспыхивает грива,
За спиной клубится прах.

Бесконечен щит небесный,
Безвозвратен путь земной —
Обречённый и безвестный...
Голос ветра, голос бездны,
Голос памяти иной.

Воин в поле одинокий,
Дымный морок, млечный след...
Гаснут сумерки и сроки,
В омут времени глубокий
Льёт звезда полярный свет.

* * *

Бредут в ночи, дорог не разбирая,
Кружат, своих не ведая путей,
Слепые миражи земного рая —
Больших идей и маленьких затей,

Сквозь вечный марш уценки и усушки,
Где лай собак страшней, чем волчий вой,
Где пролетарий над гнездом кукушки
Похмельною качает головой.

Сквозь песню, где *баян доносит тихо*,
Кому — неважно,
Колкий звёздный жмых,
Любимый город, дремлющее лихо,
Мерцающая речь глухонемых,

Насущный хлеб, чуть влажный на изломе,
Обломки кирпичей, осколки слов —
Смешалось всё, как в чьём не помню доме,
В сияющей бездомности миров,

Рождений и смертей, летящих мимо,
В беззвучном вопле обречённых «Я»...
И лёгкость бытия невыносима,
И неподъёмен груз небытия.

* * *

Фото на память. Пожалуйста, лица светлее,
Шире улыбки. Быть может, бумага истлеет
Позже, чем наши тела. И в игре светотени
Чутьочку дольше продлится пускай не мгновенье —

Доля мгновенья, мерцавшего первоначально
В пойманном взгляде до сердцебиенья реально,
И перед тем как растаять, знакомые лица
Смогут во вспышке хотя бы на миг воплотиться.

Прятки со временем — в этой игре мы неловки,
Наше лукавство наивнее детской уловки...
Я улыбаюсь, как будто мне вовсе не страшно
Плыть через море житейское в лодке бумажной.

* * *

Когда революция выжрет своих
Детей — романтических убийц, поэтов,
Идеалистов и память о них,
Что называется, канет в Лету,

Когда уйдут её пасынки — те,
Которые, выйдя откуда-то сбоку,
Ловят рыбку в мутной воде
И поспевают повсюду к сроку,

Когда сравниются нечет и чёт
И козырь — с краплёною картой любой
И обыватель вновь обретёт
Счастье быть просто самим собою,

Когда добродетели, и грехи,
И неудобовместимые страсти,
В общем раздутые из чепухи,
Станут нам непонятны отчасти,

Когда перебродит в уксус вино
И нечего будет поджечь глаголом,
Придёт поколение next. И оно
Выберет пепси-колу.

Parabellum*

Хочешь мира — готовься к войне. И нагрянет война,
Просыпаясь в сердцах и в холодных умах вызревая,
Кровь рифмуя с любовью, подыскивая имена
Для грядущих смертей и горнистов своих созывая.

Старый мех разорвёт молодое, шальное вино,
И прольётся на землю, спеша утолить её жажду.
И зерно прорастёт, и созреет лоза всё равно,
Чтоб обратно на чёрную землю пролиться однажды.

Хочешь мира — готовься к войне. И нагрянет война.
И скуластый кочевник, обветренный и пропечённый,
Каменеет в седле и осаживает скакуна,
Прозревая в веках град неведомый, но обречённый.

* Готовься к войне (*лат.*).

Домик станционного смотрителя

До булыжного гулкового дна
Выжжен двор золотистым потоком,
И глядит в вышину — глубина
Из колодезя пристальным оком.

— Разрешите водицы набрать?
— Вон колонка, сто метро от силы.
— Извините, такая жара...
— Не положено пить из могилы.
— Из могилы? При чём тут вода?
— В ту войну здесь был лагерь для пленных,
А умерших бросали — сюда.
— Как бросали?
— Да обыкновенно.
Вы зашли бы в музей... А вода —
Так колонка и впрямь за оградой.
Разумеется, чистили. Да...
В стирку — можно, а в пищу — не надо.
Вот как раз — для крылечка: народ...
Натоптали... —

и ворот железный
Застонал, опуская ведро,
Словно душу, в разверстую бездну.

И наполнив скорбями — назад,
В высоту, чтоб над миром, над стоном
Ослепительно и отрешённо
Бездна бездне взглянула в глаза.

* * *

Разворачивают знамя,
Распрямляют поясицы
Люди с явными следами
Вырождения на лицах.

И выплёвывают губы
Зло, а всё же по-холопы
Перемолотые грубо
Бледных слов сырые хлопья.

То ли небо стало уже,
То ли вход туда — дороже,
То ли это просто в душах
Замутился образ Божий.

Инвалид

Никто не знает, был ли он в Афгане,
В чужих горах глотал чужую пыль,
А может быть, по пьяни и по дряни
Свалился под шальной автомобиль.

Нет разницы... Так будем здоровы, братцы!
Нам некогда. Мы, взглядами скользя,
Шагаем по стране, где зарекаться
Ни от сумы, ни от тюрьмы — нельзя.

* * *

...А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

А. Блок

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад...

М. Цветаева

Я хочу отдохнуть в романтично-тенистом саду,
Пусть он будет банально красивый, зачитанно-книжный.
Я пройду, не спеша, между сонных деревьев к пруду
Сквозь сиреневый сумрак, таинственный и неподвижный.

Я хочу отразиться в мерцании тихой воды.
И отмыться от пыли, от едкого чёрного пота,
И поверить, что больше не будет ни зла, ни беды,
И никто не предаст, и никто не предьявит мне счёта.

Но когда наконец я усну в этом дивном саду,
То сквозь шорох листвы, сквозь росистую тонкую проседь
Просочится рассвет, на котором спокойно уйду,
Даже если отпустят грехи и останься попросят.

* * *

Осколок бутылки, ровно вечность назад
Разбитой в одном вполне симпатичном притоне,
Впивается в руку. И, опуская взгляд,
Ты видишь, как время течёт по твоей ладони.

Масштаб исчезает, сжимая в точку века.
Там, где была глубина, становится мелко.
Мгновенья и впрямь свистят и свистят у виска,
Причём в обе стороны. Такая вот перестрелка.

Ты понимаешь: да, без потерь не уйти —
Слишком уж явно сквозит холодок за спиной.
Очень хочется выжить, как ни крути.
Даже если — буквально любой ценою.

И вот тогда, прекратив утомительный счёт
Потенциальных смертей, пролетающих мимо,
Ты распрямляешься — и шагаешь вперёд
Лишь потому, что вперёд идти — необходимо.

* * *

Без обвинений и высоких слов
Мне воронёный ствол упрёт в затылок
Эпоха рынков, нищих стариков,
В кошёлки собираемых бутылок.

Эпоха, где уже не на кресте —
На поручнях промёрзлого трамвая
В раздавленной телами пустоте,
Распяв, тебя сейчас же забывают.

Где, как во сне, без голоса кричать
И погибать в слепом бою без правил,
Где горького безумия печать
На лоб горячий кто-то мне поставил.

Где получувства точат полужизнь,
И та привычно и почти не страшно,
С краёв желтея, медленно кружит
И падает в архив трухой бумажной.

Где время, обращённое в песок,
Сочится, незаметно остывая,
И отбывает слишком долгий срок
Душа — на удивление живая.

* * *

Ты нынче мне приснился. Мы с тобою
Всё спорили о чём-то. Но о чём?
Никак не вспомнить... Яростным прибоем
Вскипало время за моим плечом

И опадало. И вскипало снова,
И, словно на пустынном берегу,
Со словом беспощадно билось слово,
Не зная милосердия к врагу.

Любые компромиссы отвергая,
Сжигая этот грешный мир дотла,
Мы спорили. И женщина другая
Тебя спокойно к ужину ждала.

Срывая за личиною личину,
Пылая гневом, праведным вполне,
Мы спорили. Спешил другой мужчина
С работы — как всегда — домой. Ко мне.

И тикали часы. Чужие дети
Росли. Горел огонь, текла вода.
И лишь слепые спорили о свете,
Которого не знали никогда.

* * *

Когда уходит любовь — начинается блюз.

Из песни)

А мне говорили: уйдёт любовь —
И сразу начнётся блюз.
Когда навсегда уходит любовь,
Тогда начинается блюз.
И я рифмовала с любовью — кровь,
И с трусом — пиковый туз.

И вот она наконец ушла,
А может быть — умерла.
Не оборачиваясь, ушла,
И где-нибудь умерла.
Я вроде бы слышала всплеск весла —
Такие вот, брат, дела.

И я напряжённо слушаю ночь,
И в ней — чужие шаги.
Слушаю, как замирает ночь,
Вбирая в себя шаги.
И стрелки, пытаюсь вырваться прочь,
Описывают круги.

На крыше соседнего дома куст
Поймал ветвями луну.
Чёрный и тихий, как невод, куст
Из неба тянет луну.
А я всё пытаюсь услышать блюз,
Но слышу лишь тишину.

* * *

Вот улица и ты здесь жил когда-то.
Вот улица твоя... Как хорошо!
Ничто не сдвинулось ни на вершок —
Всё те ж дворы и той же формы пятна
На тех же стенах. Перезвон трамвая
Всё тот же. Так же пачка сигарет
В моём кармане... Но чего-то нет,
Чего-то, безусловно, не хватает.
Быть может, воробья? Да, воробья,
Который бы купался в этой луже.
Нахальный, звонкий, он здесь очень нужен,
Его уже как будто вижу я.
Два грузчика расслабленно толкают
Тележку. С приговоркой «ё-моё»,
С невнятным матюгом в небытие
Они за поворотом исчезают.
Вот битое стекло. Я отражаюсь
В осколках и, взглянув из-под ресниц,
Мелькаю тенью среди спин и лиц
И в каждой подворотне растворяюсь.
Мне здесь не страшно. Этот мир — он мой,
Со мною ничего в нём не случится.
Вот улица, она давно мне снится,
Вот боль моя, она всегда со мной.

* * *

В ушедшем и несбывшемся, в небывшем
Простишь ли мне
Мелодию, которую мы слышим
Ещё во сне,
На полустанках, станциях, причалах
В последний час —
Мелодию, которая звучала,
Но не для нас,
Сквозь суету базара и вокзала,
Сквозь плеск весла —
Мелодию, которая спасала,
Но не спасла.
Простишь ли звук негромкий и несмелый
И, может быть,
Ещё простишь мне то, что я сумела
Тебя простить.

* * *

Ветер — безумный дворник,
Беглый, хмельной острожник,
Всех чердаков затворник,
Вечно слепой художник.

Брови нахмурит гневно,
Спрячет смешок лукавый...
Взмахи метлы — налево,
Взмах топора — направо.

Шлёпая мокрой кистью,
Тонко рисуя тушью,
Ветер подхватит листья,
Ветер подхватит души.

И закружит незряче
Улицей, переулком
По-стариковски плача
У подворотни гулкой.

Дуя в свирель напевно,
Лязгая жостью ржавой...
Душу мою — налево,
Душу твою — направо.

* * *

Пёс пролаял зло и сипло
И умолк. Ты крепко спишь.
Друг мой, друг мой, полночь сыплет
В закрома сухую тишь.

Возле самого порога
В связке звякнули ключи...
Друг мой, друг мой, ради бога!
Ради бога, не молчи!

Потому что так тревожны
Эти тёмные дома,
Потому что, знаешь, можно
В тишине сойти с ума.

Словно чёрная корова,
За стеной вздыхает ночь.
Только голос, только слово
Мне б могли ещё помочь.

Ведь в моей безмолвной муке,
Там, где горше дёгтя — мёд,
Кто, скажи мне, на поруки
Душу грешную возьмёт?

* * *

Скажи, куда мне спрятаться, скажи,
От жалости слепой куда мне деться?
Пролётами цепляются за сердце
Стекающие с лифта этажи.

И тянутся канаты, провода
(Мгновение — и полутонном выше)
Туда, где голубям не жить под крышей
И ласточкам не выстроить гнезда,

Где ты меня давным-давно не ждёшь,
Где скомкано пространство в снятых шторах...
По лестнице — шаги, у двери — шорох,
И им в ответ — озябших стёкол дрожь.

Где паучок безвременья соткал
Из памяти и тонкой светотени
Раскидистую сеть для отраженья,
Не меркнувшего в глубине зеркал.

Где контуры портрета на стене
Ещё видны в неверном лунном свете
И наши неродившиеся дети
Спокойно улыбаются во сне.

* * *

Я хотела бы жить с вами в маленьком городе,
Где вечные сумерки и вечные колокола...

М. И. Цветаева

... Так и я бы хотела,
только без вас,
где-нибудь в Порхове
или, к примеру, Изборске
жить
от зарплаты и до зарплаты,
трудиться
в районной больничке
доктором.
Работать, как лошадь,
улавывать, как собака,
иногда,
случайно услышав
единственный колокол,
вздрагивать,
молча креститься,
не вспоминать ни о чём.
И я бы хотела,
но
многовато условностей,
разных мелких помех...
Нет,
красивого жеста
не выйдет.
Да и в конце-то концов,
какая мне разница,
где
встречать свои вечные сумерки.

* * *

Сквозь темноту, сквозь тишину,
Над прошлым счастьем и виною
Я робко руки протяну
К любимым, к позабытым мною,

Пред кем пожизненно в долгу.
И, может быть ещё продлиться
К ним памятью живой смогу —
Услышать смех, увидеть лица.

Чтоб каждому сказать «прости»
И полные горячей соли
Глаза, как вёдра, понести
На хрупком коромысле боли.

* * *

По чьему приговору умирают миры?
За дощатым забором золотые шары
Нагибаются, мокнут и в пустой палисад
Непромытые окна равнодушно глядят.

Тёмно-серые брёвна, желтоватый песок,
Дождь, секущий неровно, как-то наискосок,
Мелких трещин сплетенье, сизый мох на стволе
И моё отраженье в неразбитом стекле.

Это память чужая неизвестно о чём
Круг за кругом сужает и встаёт за плечом,
Это жёлтым и серым прорывается в кровь
Слишком горькая вера в слишком злую любовь.

Слишком ранняя осень, слишком пёстрые сны,
Тени меркнувших сосен невесомо длинны,
И прицеплен небрежно к отвороту пальто
Жёлтый шарик надежды непонятно на что.

* * *

Ангел мой, ты когда-нибудь мне простишь
Глупые рифмы, мелочные обманы,
Висельный юмор, мёртвую рыбу тишь,
Резкий вскрик расстроенного фортепьяно,

Эти попытки прошлое разжевать,
Вывернуться, слова языком корёжа...
То-то смешно: всю жизнь за любовь воевать,
Чтоб изнутри взорваться потом от неё же.

Ах, мой ангел, дивно любовь хороша —
Света светлее, неуловимей тени...
Надо было с детства ею дышать
И привыкать к перепадам её давленья.

* * *

Что остаётся, если отплыл перрон,
Сдан билет заспанной проводнице?
Что остаётся? Казённых стаканов звон,
Шелест газет, случайных соседей лица.

Что остаётся? Дорожный скупой уют,
Смутный пейзаж, мелькающий в чёткой раме.
Если за перегородкой поют и пьют,
Пьют и поют, закусывая словами.

Что остаётся, если шумит вода
В старом титане, бездонном и необъятном,
Если ты едешь, и важно не то — куда,
Важно то, что отсюда и — безвозвратно?

Что остаётся? Видимо, жить вообще
В меру сил и отпущенного таланта,
Глядя на мир бывших своих вещей
С робостью, с растерянностью эмигранта.

Что остаётся? Встречные поезда,
Дым, силуэты, выхваченные из тени.
Кажется — всё. Нет, что-то ещё... Ах да! —
Вечность, схожая с мокрым кустом сирени.

Картина

В Никольском храме древнего Изборска
Картина есть. Иконою назвать
Её едва ли можно: змей огромный
Среди багряно-дымных языков
Бушующего пламени разлётся,
Свиваясь в кольца и разинув пасть.
По телу змея, словно по дороге,
Влачатся к пасти грешники: цари
В роскошных багряницах вперемешку
Со скрюченной и злобной нищетою,
Разбойники, купцы, прелюбодеи,
Транжиры, игроки и гордецы,
Лжецы, чревоугодники, блудницы,
Блестящие придворные, скупцы,
Жестокие воители в доспехах,
Архиереи в митрах... И у всех
Отчаянье на лицах и покорность.
И каждый одинок и обречён
В потоке бесконечном, непрерывном
И безнадежном. А со всех сторон
Несчастных окружает нечисть: бесы
С бичами и трезубцами. Они
Бодры, неумолимы, мускулисты.
Напоминают лагерный конвой —
Собак и автоматов не хватает
Для сходства абсолютнейшего. В той
Наивной аллегории всё ясно
И канонично, в общем-то, вполне.

Когда бы не деталь: одна из грешниц
Споткнулась, обессилев. На неё
Бичом конвойный тут же замахнулся.
Локтём закрыла женщина лицо,
Пытаясь защититься от удара
И скорчилась. Нет в этом ничего
Необычайного. Но вот мужчина,
Идущий рядом... Крепко обхватив
Одной рукой несчастную за плечи
И наготу её прикрыв плащом,
Другой рукой он резко замахнулся
На беса. На охранника! Лицо
Его сурово, даже тени страха
На нём не отражается. Глаза
Глядят упорно, гневно прямо в харю
Бесовскую. И кажется, что тот
Слегка растерян от сопротивления
Нежданного... Но что хотел сказать,
Что показать хотел безвестный мастер,
Нарушивший канон?
А может быть,
К Всевышнему воззвал он дерзновенно,
Моля приговорённым даровать
Надежду на спасенье?..
В самом деле —
Прошедший человеческим путём,
Сполна познавший все его тревоги,
Сомнения, тоску и смертный страх,
Неужто не спасет того, кто даже
За смертную чертою сохранил
Достоинство в себе и состраданье,
Остался человеком даже там,
Где человеком быть нельзя?

Неужто
Закон и справедливость больше, чем
Господне милосердие? Не может
Такого быть...
Дерзай же, мастер! И
Моля о нас, вовек не отступайся!
Да отворят стучащемуся!..

* * *

И всё-таки бредёшь, бредёшь устало
Сквозь тьму страстей и равнодушья муть.
Так много званых, избранных так мало.
И ночь длинна. И страшно долог путь.

* * *

Этот запах весны, он всегда горьковато-тревожен,
И мучительно щедр, и никем не испыт до конца.
Надышись допьяна — осень наши грехи подытожит,
И баланс подведёт, и, расчислив, остудит сердца.

В нежной страсти черёмух, в медвяных
соцветиях клёнов,
В трепетании листьев и в медленном вальсе стволов
Вечно юная жизнь, улыбаясь светло и влюблённо,
Возрождается вновь отступающей смерти назло.

* * *

Из шалманчика слышится ретромотив
О любви, о тумане-дурмане...
Я взяла бы вина, только весь мой актив —
Сигареты да спички в кармане.

Закурю, безвозвратно здоровье губя,
Обгоревшую спичку сломаю
И меж двух торопливых затяжек себя
На желании странном поймаю:

Пусть не я, но хоть кто-то, грамм двести спросив,
Под мотивчик, что так человечен,
Будет всеми любим, бесконечно красив,
Обаятелен, весел, беспечен.

* * *

Получив от судьбы приблизительно то, что просил,
И в пародии этой почуяв ловушку, издёвку,
Понимаешь, что надо спасаться, бежать, что есть сил,
Но, не зная — куда, ковыляешь смешно и неловко.

Вот такие дела. Обозначив дежурный восторг,
Подбираешь слова, прилипаешь к расхожей цитате.
Типа «торг неуместен» (и правда, какой уж там торг!),
Невпопад говоришь и молчишь тяжело и некстати.

А потом в серых сумерках долго стоишь у окна,
Долго мнёшь сигарету в негнущихся, медленных пальцах,
Но пространство двора, водосток и слепая стена
Провисают канвою на плохо подогнанных пятаках.

Перспективу теряют и резкость и странно-легко
Истончаются, рвутся, глубинным толчкам отвечая...
И вскипает июль. И плывёт высоко-высоко
Над смеющимся лугом малиновый звон иван-чая.

* * *

...и Цинциннат пошёл среди пыли и падающих вещей... направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему.

В. Набоков. «Приглашение на казнь»

Как ты нелеп в своём мученическом венце!..
Нужно было тренировать почаще
Общее выражение на лице,
Притворяться призрачным, ненастоящим.

Шаг с тропы — и проваливается нога,
Чья-то плоская шутка — мороз по коже.
Каждое утро — вылазка в стан врага.
Вечером жив — и слава тебе, Боже!

Осторожнее! Ведь и сейчас, может быть,
Жестом, взглядом ты выдаёшь невольно
То, что ты действительно можешь любить,
То, что тебе в самом деле бывает больно.

Вещи твои перетряхивают, спеша.
Что тебе нужно? Ботинки, штаны, рубаха...
Это вот спрячь подальше — это душа,
Даже когда она сжата в комок от страха.

Над головами — жирно плывущий звук:
Благороднейшие господа и дамы!
Спонсор казни — салон ритуальных услуг!
Эксклюзивное право размещенья рекламы!

И неизвестно, в самый последний миг
Сгинут ли эта площадь, вывеска чайной,
Плаха, топор, толпы истеричный вскрик —
Весь балаган, куда ты попал случайно.

* * *

Когда собаки потеряют след,
Поскуливая зло и виновато,
Я сквозь туман сырой и клочковатый
В ветвях увижу чуть заметный свет.

Я сплуну кровь и посмотрю туда,
Где месяц опрокинул коромысло
И волчья одинокая звезда
На паутинке каплею повисла.

И я прижмусь к шершавому стволу —
Ко всей своей неласковой отчизне
И вдруг услышу славу и хвалу
Создателю — в дыханье каждой жизни.

И я заплачу, веря и любя,
На все вопросы получив ответы.
И улыбнусь. И выдохну — себя
Навстречу ослепительному свету.

Эксперимент

На что дан свет человеку, которого путь
закрыт и которого Бог окружил мраком?

Книга Иова (III, 23)

...И раскачивается вечерами
Колокольная медь
В тёмной и гулкой груди.
И память
Ворочается, как медведь,
Чтобы в ночи навалиться тушей
и задавить...
Но в шесть
Утро последний окурок тушит
О подоконную жесьь.
Резкий вдох.
Будильнику вторя,
Чайник даёт свисток.
С ночи застрявшим шершавым горем
Давится водосток.
Выдох.
И время, сгорая, мчится
С грохотом.
Лишь сквозняки
Всё перелистывают страницы
Логике вопреки.

Он смолил беспрестанно. Он запросто мог
Нагрубить, невзирая на лица,
Говорил, что наука — единственный бог,
Которому стоит молиться.
Говорил: «Хирургия — не место для баб,
Но уж вляпалась если — работай!
Ну а правду сказать — и мужик нынче слаб...
Да не думай, а — делай! Ну то-то...
Здесь хватай, а сюда вот не лезь и не трожь!
Тут проверь... Да ты что там — уснула?..»
Наклоняясь и горбясь, он в профиль был схож
С крысой — серо-седой и сутулой.
Незадолго до смерти смягчился. В окно
Как-то глянул и, морщась от света,
Бросил: «Эксперимент — это всё!
Об одном
Расскажу...»
И сломал сигарету.

Эксперимент —
это всегда закон,
та рубаха, что ближе к телу.
Всё чётко и всё — по делу:
есть Экспериментатор,
он —
Субъект,
он остёр, словно штык,
имеющий силу и право,
задачи, цель, интерес.
Он движет вперёд прогресс,
трусами стяжает славу.

И есть Объект — пыль и прах,
воплъ, высохший на губах,
в горле застрявший крик,
и — любопытство тоже...
Субъект и Объект в этом схожи.
Одно и то же кино,
одного и того же грани —
мельтешат в одной круговерти
любопытство и страх:
ужас собственной смерти,
интерес к чужому страданию.
Но
в неведомый миг,
буквально — в любой момент
Экспериментатор
станет Объектом для
кого-то уже иного,
обретенья
вдруг обернутся тратой,
болью, недоумением...
И — щёлкнут звенья,
совершит оборот Земля.
Всё повторится снова.

...Братец мой Волк!
Сестрица моя Овца!
И вы, мои сёстры-птицы!
Как нам жить?
Кого вопрошать?
Кому и о чём молиться?

...Братец мой Волк!
Сестрица моя Овца!
И вы, мои сёстры-птицы!
По всем каналам новости без конца —
кровь течёт, как водица...
И — не скрыться, не убежать,
всё ускользает, дробится.
И — остывает чай.
— Погоди, не переключай!
— Передай, пожалуйста, масло.
Щелчок.
И — молчок...
Придёт серенький волчок...
Всё.
Память погасла.

Но раскачивается вечерами
Колокольная медь,
Перекачиваются шарами
Жизнь,
Забвение,
Смерть.

Но, привычный уклад корёжа,
С жизнью и смертью слит,
Некто моей касается кожи.
И кожа моя — болит.

...Кажется так:
жил человек в стране Уц,
Иов ему было имя.
И я вспоминаю — Иов...
Перелистывает сквозняк
неисчислимость слов,
сон городов,
медленный морок пустыни.

...Нет, не то!
Ну да — эксперимент.
Цель — материальная основа
Альтруизма. Выбранный объект —
Существа общественные. Крысы.

...Иов вопиёт,
он в пустыню кричит,
от отчаянья пьяный:
— Что для Тебя человек?
Господи,
что для Тебя — человек?
За что
предъявляешь счёт?
Зачем
испытujesz его беспрестанно?
Ветер поёт,
пустыня молчит,
молчит в углу фортепиано.
За окнами падает снег.

...Половину — кормят. Остальным
Именно в обеденное время
Прямо на глазах у тех, кто ест
Пропускают сильный ток по клетке.

Что же крысы? Слыша громкий визг,
Глядя на сородичей мученья,
Восемьдесят пять процентов — жрут,
Остальные — к пище не подходят.

Крыс местами поменяли лишь
Раз один — и двадцать пять процентов
Перестали жрать. У остальных
Аппетит никак не изменился.

— Сокрушишь!
Сокрушаешь и сокрушишь!
Но жизнь моя — дуновенье...
Сорванный лист
Ты сокрушить спешишь,
гонишь вперёд, вперёд.
Вот он — я:
был,
и вот —
нет на земле даже тени,
нет мгновений моих...
нет ни добра, ни — зла...
но Ты — молчишь...
Снова — молчишь!
Не понимаю никак:
где Ты?..
В пустыне — тишь,
и в квартире — тишь,
только — шорох:
словно бы разлетается ворох
листьев сухих,
это —

сквозняк
со стола
сбрасывает газету.

...Дальше, воссоздав эффект войны,
Или катастрофы, «альтруистов»
Удалили. И эксперимент
Был продолжен средь потомков жравших.

— Если бы знать,
если б хоть раз понять
всею горящей кожей:
в чём обвиняешь меня?
Виновен я — быть беде,
и не виновен — горе...
Головы не смею поднять!
И всё же
как осознать всё разом:
премудрость
обретается где?
что пред Тобою — разум?
что пред Тобой — вина?
Лопается струна,
эхо звенит в коридоре.

...В новом поколении опять
Появились крысы-«альтруисты»,
Только было их теперь уже
Чуть поменьше двадцати процентов.

Этих исключили тоже, и
Снова дали размножаться жравшим.
И так далее... И ровно через пять
Полностью ушедших поколений

«Альтруистов» не осталось...

...Иов вопиёт,
он вопиёт: «Отступись!
передохнуть, ободриться дай мне!
Исчезаю,
нет меня тут,
сломлен, как стебель сухой...
Весь я — мгновенный, случайный..
Не с травой ли вступаешь Ты в суд?
Сам за меня поручись
перед Собой!
Для меня найди оправданье!»

«Альтруистов» не осталось. Но
Стало в популяции заметно
Вырождение: у здоровых крыс
Появлялось хилое потомство

И при изобилии еды
Крысы нападали друг на друга,
Жрали слабых и, сходя с ума,
Насмерть расшибались об решётку.

И вот говорит
Господь,
но не отвечает, нет —
вопрошает из бури.
И каждое слово горит
на обожжённой шкуре.
— Я сотворил свет,
небесную твердь и земную
и тьму отделил ночную
от света.

Дай мне ответ:
кто ты такой?
что сделал своею рукой?
Много ли твоих сил?
И
где ты был,
когда я являл Свою мощь,
украшал светилами ночь,
когда я сотворил
левиафана, коня,
орла или же — бегемота
и прочих тварей чудесных?
Что тебе вообще известно?
Кто ты?
Покрытый шкурой ли, кожей —
слушай Меня.
Внимай, если можешь!

Ровно через пять колен ещё
Этой популяции не стало.
Так был завершён эксперимент,
Выявлявший генную основу
Альтруизма...

...Иов поражён,
потрясён до самых основ,
нет аргументов для спора,
нет больше слов,
и вот
он просто падает ниц,
отрекается от всего,
и Господь
прощает
его,

снова даёт
детей, верблюдов, ослиц...

...Господи, из всех Твоих даров
мне оставь одну лишь только веру
детскую, простую
в то, что Ты —
Благ еси и Человеколюбец.

...Братец мой Волк!
Сестрица моя Овца!
И вы, мои сёстры-птицы!
Пока ещё время длится
и голос мой не умолк,
славьте Творца!
Славьте
вдохнувшего жизнь,
славьте Его вдохновенье,
вечности непостижимость,
бесконечность мгновенья.
Славьте! —
взываю из бездны, кричу,
обдираясь о камни веры —
Мощь Его
лишь Ему Самому по плечу
Он лишь Сам Себе — мера.

...Братец мой Волк!
Сестрица моя Овца!
И вы, мои сёстры-птицы!
Какой тяготит нас долг?
Что в нас должно отразиться?
Черты какого Лица?
Неразрушимость Лика —
кровь на шипах Венца.
Как вырваться из-под Закона?
Как?
Долгое эхо крика
растаскивает сквозняк.
Птицы, овцы и волки —
осколки
зеркал, разлетевшихся вдрызг..
Чавканье, стоны,
копошение, визг.
Коловращение:
боль, любопытство, страх —
разлетаются тени,
размываются лица,
всё обращается в прах.
...Что в нас должно отразиться?
Черты какого Лица?
Но время стреляет дробью,
попадая не в бровь, а в глаз.
...Недообразы...
...Недоподобия...
И всё-таки ради нас
путь
крестный
длится.
И не видно ему конца.

Но раскачивается вечерами
Раскалённая медь —
Меж ущельями и горами,
Левиафанами, комарами,
Меж потерями и дарами
Ей звенеть и звенеть.
И раскачиваться всё шире,
В сердце большее бить:
Мир для любви непригоден,
Но в мире
Необходимо любить!
Вдох.
И безгласно кричат иконы,
Кружится звёздный прах.
Две стороны одного закона —
Любопытство и страх.
Выдох.
Жизнь извергает прохладных:
Холоден или горяч
Будь, ибо всадники — беспощадны,
Кони несутся вскачь.
Всё против нас: и весы, и меч, и
Власть, и — смертей полки...
И лишь любовь отворяет вечность
Логике вопреки.

Махаон

За еловой стеной, за торжественным хором сосновым,
Где косые лучи меж ветвей паутинку сплели,
Есть лесная поляна, заросшая цветом лиловым, —
Там танцуют стрекозы и грузно пируют шмели.

День звенит и стрекочет, кружится, мерцает, мелькает...
Только перед закатом, когда в золотой полусон
По стволам разогретым смолистые капли стекают,
Приплывает сюда на резных парусах махаон.

Он неспешно плывёт и, как чистая радость, искрится,
Так несуетно царственен и от забот отстранён.
Всё встречает его: и цветов изумлённые лица,
И гуденье шмелей, и беспечных кузнечиков звон.

С каждым вздохом крыла отлетает он выше и выше,
Свет вечерний дрожит над моим неподвижным плечом.
И взрывается время, мешая небывшее — с бывшим.
И душа вспоминает. И не понимает — о чём.

Трое

Фотография стандартна: первый класс —
Ох уж мне, блин, эта «школьная скамья»...
«Неблагополучных» трое нас —
Лёнька-Чипа, Игорёк да я.

Полуграмотная тётка Игорька,
Та, что мыла в нашей школе этажи,
Нам сказала: «Жизнь у вас горька.
Надо вам, ребятушки, дружить.

Все вы — сироты: без мамок, без отцов,
Стало быть, и не нужны вы никому.
Не теряйтесь, а не то в конце концов
Передавят, как котят, по одному».

Вот мы и дружили, как могли:
Вместе дрались, вместе бегали в кино,
Тополиный пух в июне жгли.
И нам было совершенно всё равно,

То, что я училась хорошо,
А они — забили напрочь... Ну так что ж?
И меня не повергали вовсе в шок
Сигареты, клей «Момент» и даже — нож.

А потом все разбежались кто куда:
Им — в путьягу, ибо славен всякий труд,
Я же безо всякого труда
Как-то быстро поступила в институт.

Лёнька воровал, попал в тюрьму,
После вышел — да обратно сел.
Игорь пил. Потом бомжатскую суму
На плечо вполне безропотно надел.

Ну а я науку грызла сгоряча,
Не сбавляя взятый темп на вираже.
В общем, я училась на врача,
И — безуспешно... Но уже

Просыпался странный зверь в моей груди
И дышал, переплавляя всё — в слова.
Бабка говорила: «Нелюдь!» — и
Не была совсем уж сильно неправа.

Лёнька сгинул где-то в дальней ИТК,
Игорька отравя со свету сжила.
Ну а я могла бы жить наверняка.
Я могла бы. Да вот только — не смогла.

Потому что бесконечно длился час,
Но меж пальцев утекли десятки лет...
Потому что только трое было нас:
Пьяница, ворюга и — поэт,

Потому что это — полная фигня:
Дескать, каждый сам судьбу свою лепил.
И теперь я знаю точно: за меня
Лёнька воровал, а Игорь — пил.

И всё чаще я гляжу, гляжу туда,
Где сквозь облака высокий свет
Говорит о том, что боль — не навсегда,
А сиротства вовсе не было и — нет.

* * *

От трескучей фразы на злобу дня,
Виршей холопских, бешеных тиражей,
Ангел Благое Молчанье, храни меня —
Губы мои суровой нитью зашей.

Лучше мне, измаявшись в немоте,
Без вести сгинуть, в землю уйти ручьём,
Чем, локтями работая в тесноте,
Ворвать себе признание — не важно чьё.

Лучше исчезнуть, попросту — помереть,
Быть стихами взорванной изнутри.
Только бы — перед ликом Твоим гореть,
Только бы слушать, только б Ты говорил!

Только бы слушать, вслушиваться в шаги,
Свет Твой угадывать из-под прикрытых век...
Вечность во мне, прошу Тебя, сбереги,
Ибо я всего-то лишь — человек.

В час, когда сердце захлёстывает суета,
Требуя покориться и ей служить,
Ангел Благое Молчанье, замкни мне уста,
Чтобы мне перед Словом не согрешить.

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК

Драматические сцены

СЦЕНА 1

Прохожие идут мимо Михайловского замка, один из них смотрит на дворец, останавливается и задерживает остальных.

Первый

Громада эдакая! Эвон, глянь, Михей!

Второй

Да, дивно сделано.

Третий

А бают, что виденье

Царю, мол, было — сам архистратиг

Небесный Михаил ему явился

И повелел построить нынче храм

На этом самом месте и пророчил

Беду великую!

Второй

Да рази ж это храм?

Уж слава богу, мы церквей видали!

Третий

Да дай договорить! Беда вся в том,

Что провели царя — заместо храма

Построили хоромы. Вот, мол, вам

Суприз, царь-батюшка!

Тот было в гнев — да поздно.

Первый
(задумчиво)

Уж дело сделано. Да только кто ж провёл?

Третий
Вестимо — нехристи. Всё немцы да французы...
Кому ж ещё?

Второй
Они горазды. Да.

Первый
А вот слышал, что вышло указанье
Собрать людишек с бабами и всех
С дитями прям сюда вселить, чтоб, значит, сырость
В себя забрали.

Третий
Что ты! Брешут! Грех!
Ведь царь — он добрый. Недогляд, однако,
Ему за всем. Ведь он, поди, в делах!
И к барам строг. А те уж, как обычно,
Указы все горазды повернуть
По-свойски! Оттого-то и выходит
Беда для люда... Так-то!

Второй
Говорят,
Юродивая нынче на Смоленском
Всё плакала о том, что, мол, царю
Отпущено годочков ровно столько,
Сколь буковиц на стенке.

Первый
На какой?

Второй
(показывает надпись на фронтоне дворца)
На этой самой!

Третий
Сколько ж их?

Второй
Да много...
Я в этом не силён.

Третий
(считает)
Вот — сорок семь.
А государю сколько? — Сорок сёмый
Как раз идёт!

Второй
(перекрестясь)
Чудны дела твои,
О Господи!

Первый
Не наше это дело,
Что говорить! Собрать бы вот оброк
Ко времени. А то — беда.

Третий
И верно.
Уходят, продолжая что-то обсуждать.

СЦЕНА 2

*На набережной возле Михайловского замка —
Панин и Фон Пален.*

П а н и н
Так что наследник?

Ф о н П а л е н
Всё ещё никак
Он не решится. И хотя желает,
Конечно, царствовать, сыновняя любовь...
Вы понимаете...

П а н и н
Да-да, отметить должно —
Чувствительность сия составит честь
Любому сыну. Здесь ещё тем паче
Родство дает и право на престол.

Ф о н П а л е н
Да, редкостное сердце. И однако
Он слишком нерешителен. Пора,
Пора уж действовать. Упущенное время
Нам встанет слишком дорого. Уже
Зашли мы далеко. И нам обратной
Дороги быть не может...

П а н и н
(задумчиво)
Или пан,
Или пропал... Неужто император
Подозревает?

Ф о н П а л е н
Сумасброден он.
Точней — безумен. И чем дальше — больше.
Но некое охранное чутьё
Ему присуще. Кстати, он недавно
Меня спросил про заговор.

П а н и н
(с ужасом)
Про наш?!

Ф о н П а л е н
(спокойно)
Конечно. Но нашёлся я ответить,
Что, дескать, сам я во главе его.
Держу в руках все потайные нити
И всё раскрою враз.
(Смеётся.)

П а н и н
(в сторону)
Недалеко
От истины. Пожалуй, что он может...

Ф о н П а л е н
И кажется, понятно, что теперь
На карте — всё. Уж вызван Аракчеев,
А он «без лести предан». Я письмо
Немного задержал, но бесконечно
Не может это продолжаться. И
Нас ожидают страшные опалы
И ссылки.

П а н и н
Или казни...

Ф о н П а л е н
Может быть.
Или же — власть. Но тут нужна решимость
Железная.

П а н и н
Такая, как у вас.

Ф о н П а л е н
Возможно. Но великий князь всё тянет,
Всё благородно говорит о том,
Как будет править ПОСЛЕ, как устроит
Отца ПОТОМ. Как станет хорошо
Всё и для всех. Отец, конечно, будет
Гулять, лечиться, есть, и пить, и спать.
А нужно — действие.
А нужно, чтоб возглавил
Переворот он именем своим!

П а н и н
Необходимо, да. Но он боится,
И страх его понятен.

Ф о н П а л е н
Этот страх
Возможно пересилить ещё большим.
Наследник просто должен осознать,
Что гибель неизбежна. И тогда он
Решится несомненно.

П а н и н
Словно конь,
Который между страхом пред канавой

И шпорами в бока все ж предпочтёт,
Наверное, канаву.

Ф о н П а л е н

Да. И прыгнет.

(Вздыхает.)

Весьма похоже — нечего сказать.

СЦЕНА 3

*Кабинет Александра в Михайловском замке.
Александр сидит в кресле за столом. В комнату
стремительно врывается Павел. Александр
поднимается ему навстречу.*

П а в е л

Что делаете, сударь?

А л е к с а н д р

я?

П а в е л

Да, вы.

А л е к с а н д р

Я... ничего.

П а в е л

Вы лжёте!

А л е к с а н д р
Нет. Я просто
Сижу, и всё. Как мог я вам солгать!

П а в е л
Вот именно! Насквозь, насквозь вы лживы!
Вот именно — как вы могли солгать
Отцу и государю!.. Нет. Вернее —
Вы лжёте государю и отцу.

А л е к с а н д р
Ах, батюшка! Да чем я вас прогневал?
Сидел я просто...

П а в е л
Нет, читали вы!

А л е к с а н д р
Я не читал.

П а в е л
Не лгите! Вот и книга
Бумагою прикрыта на столе.
Прикрыта от меня! Но как вы лживы
Насквозь — насквозь вас вижу я!
(Раскрывает книгу.)
Убийство Цезаря! Вы Брутом упивались!

А л е к с а н д р
Я, батюшка...

П а в е л
Молчите! За одно
Уж это вы достойны наказанья,

И самого сурового. И не
Отец вас должен наказать как сына,
А император — как бунтовщика!

А л е к с а н д р
О Господи! Да я...

П а в е л
Молчите, сударь!
Я не желаю больше слушать вас.
Я мнение составил. И лукавство
Вам не поможет. Кстати, вместо сей
Безбожной книги я велю прислать вам
Иную — преполезнейшую. В ней
Найдёте вы указы и деянья
Великого Петра... И мой совет —
Читайте со вниманием! Особо
Внимательно прочтите ту главу,
Где сказано о том, как венценосец
Закону в жертву отчую любовь
Приносит и преступника карает...
(Шёпотом)

Преступник тот — царевич Алексей.
Прощайте!
(Круто повернувшись, уходит.)

А л е к с а н д р
Боже! Боже мой! Что делать?!
*(Падает в кресло и застывает в нём, обхватив
голову руками.)*

СЦЕНА 4

Галерея в Михайловском замке. Александр стоит возле статуи Лаокоона. Фон Пален подходит к нему со спины.

Фон Пален
Ваше высочество!

Александр
А, граф! Я очень рад
Вас видеть в добром здравии... Но что-то
Тревожит вас? Чем я могу помочь?

Фон Пален
Ваше высочество, решайтесь!

Александр
Да о чём вы?

Фон Пален
Я умоляю: больше нужды нет
Ходить вокруг да около — решайтесь!
Теперь судьба отечества в руках
У вас.

Александр
А!.. Да... Вы всё об этом... Право,
Любезный граф, я искренне ценю
Такое мужество. И всё же... Да. И всё же
Его величество — отец мне. Не хочу
Быть для него причиной огорчений.
И в этом вижу я первейший долг
Пред совестью своей и перед Богом.

Фон Пален

Но император болен! Он страну
Нелепыми указами своими
Погубит скоро! Заодно — и нас,
Несчастных подданных... Не может спать спокойно
Давно уже никто, никто теперь
Уже не знает, что с ним будет завтра —
Возвысят иль сошлют!.. Священна власть,
От Бога данная, но ведь и вы — наследник
Законный. Приходилось выбирать
Меж долгом государственным и чувством
Обычным человеческим почти
Всем вашим предкам царственным. Примером
Тому Екатерина или Пётр
Великий...

Александр

(вздвигнув)

Пётр!.. А, кстати, граф, скажите,
Понравился вам нынче маскарад
В построенном дворце? Не правда ль, мило?

Фон Пален

(пожимает плечами)

Да. Только император был темней,
Чем туча грозовая...

Александр

Что поделать!
Не любит масок он.

Фон Пален

Ему среди них
Всё чудится обман. И он во гневе
Воскликнул, что уж скоро полетят

Те головы, которые родными
Ему когда-то были...

А л е к с а н д р
Он сказал?! Вы слышали?

Ф о н П а л е н
Да, слышал. И ещё раз
Вам повторю: решайтесь! Может быть,
Уж завтра будет поздно. И, быть может,
Проснётесь вы уже не во дворце,
А в крепости... Если не хуже.

А л е к с а н д р
Ужас!..
Ужасно!.. Но...

Ф о н П а л е н
Так что же, можем ли
Мы действовать? И действовать не просто,
А вашим именем?

А л е к с а н д р
Но поклянитесь мне,
Что вы вреда ему не причините!

Ф о н П а л е н
(нетерпеливо)
Ну разумеется...
Так, значит, решено?!

А л е к с а н д р
*(Отвернувшись от Фон Палена, смотрит на
статую Лаокоона)*
Да. Действуйте.

*Фон Пален, поклонившись, быстро уходит.
Александр остаётся один.*

СЦЕНА 5

Спальня Павла в Михайловском замке. Император в халате и ночном колпаке отходит от двери, возле которой только что стоял, прислушиваясь, и начинает неторопливо прохаживаться по комнате.

П а в е л

Как хорошо остаться одному
Здесь, в этих стенах... Пусть они за дверью
Теперь на климат сетуют. У них
От сырости мигрень. Какая жалость!
Что ж, господа, придётся потерпеть!
(Отвешивает шутовской поклон в сторону двери.)
Да-да, придётся! Я — ваш император,
И я доволен. Наконец сбылась
Моя мечта — построен замок дивный,
Моё убежище, мой обрётённый дом.
На этом месте я родился. Здесь же
Хотел бы умереть. Уж сорок дней,
Как я сюда вселился. Сорок... Сорок!
Какая дата странная!.. Но прочь,
Прочь эти мысли! Кстати, как я славно
Над всеми нынче подшутил. Да-да!
Сказал притворщикам, что, дескать, я увидел
В зеркальном отражении себя

Со свёрнутою шеей. Соляными
Застыли все столпами! Знаю я —
Они и в самом деле были б рады,
Чтоб шею я свернул себе... Лжецы!
(Ходит всё быстрее.)
Притворщик — сын! Жена! Я знаю, знаю —
Они давно мне лгут! Они мне лгут! Увы,
Всё матушкина школа, всё разврата
Ужасные плоды! Ведь при отце
Ещё живом она хотела сына
Наследником провозгласить! Теперь
Они желают править. Я мешаю
Им жить, как хочется... *(Останавливается.)*
Они меня... убьют!
(Начинает метаться по комнате.)
Убьют!.. Меня!.. Но я их скоро, скоро
Разоблачу! И — в крепость! В крепость! Всех!
Сейчас же! Нынче! Где охрана?!.
*(Кидается к двери, но внезапно останавливается
перед зеркалом и вглядывается в своё лицо.)*
...Павел!

О, бедный Павел, что же ты? Очнись!
Откуда столько ненависти? Это
Твой сын родной, твоя жена. Твои
Все близкие, все любящие... Право,
Никто из них не думал посягнуть
На жизнь твою и власть. И в самом деле:
Орловых больше нет, прошла пора
Перевооротов бабских. В этом замке
Ты в безопасности. К тому ж священный сан
Гроссмейстера незримой благодатью
Хранит тебя от зла... Нельзя, нельзя
Впадать в безумие...

Безумие! Вот слово

И сказано. О, как же долго я
Боялся произнести его... Когда же
Все это началось? Тогда ль, когда
Я столько ждал? О, сколько унижений,
Намёков на отца, смешков! Жена
Наследником однажды престарелым
Меня назвала. Я стерпел. Стерпел!
Но я — запомнил. А быть может, раньше
Всё это началось, когда узнал
От матушки я повесть об измене
Покойницы-жены и друга... Как
Я их любил обоих, Боже правый!
Зачем, зачем она открыла мне
Предсмертной исповеди тайну! Лучше
Мне было бы не знать! А может быть
(Подумать страшно), матушка хотела,
Чтоб я сошёл с ума?! И вот тогда
Она бы от престола отстранила
Меня уже законно... Устоял!
Дождался её смерти. Только больше
Уж не любил, как прежде. Некий червь
Меня всё точит с этих пор. И ныне
Ему я дал название... Ну что ж!
Мне кажется, теперь я понимаю,
Что тень Петра хотела мне сказать.
Сказать словами: «Бедный, бедный Павел!..»
Но хватит слабости! Всё ж император я.
Гроссмейстер ордена великого. Да! Нужно
Монархам письма разослать. Я их
Хочу созвать сюда. И здесь, в России,
Устроить рыцарский турнир. О, я
Прославлю царствие своё делами
Поистине великими! Порок

Искореню, восставлю добродетель,
Дух рыцарства верну.

*(Останавливается перед картиной на стене
и внимательно её рассматривает.)*

Какая всё ж

Ужасная здесь буря! О, искусство
Изобразит страданье, смерть — а нам
Отрада глазу... Да, но он погибнет,
Несчастный парусник! Куда его несёт
Бушующее море?.. Только Богу
Известно одному... А впрочем, мы
Не так же ли несёмся по житейским
Безудержным волнам? Куда? Зачем?
*(За дверью возникает нарастающий шум.
Павел вздрагивает, прислушивается. Затем
застывает, прижавшись спиной к стене у камина.)*

...Но что это за шум? Шаги! Откуда?!
Никто не смеет здесь шуметь!.. Они
Всё ближе... Ближе!.. Чей-то вскрик!.. Измена!
Идут сюда! За мной! Бежать, бежать!.. Куда?
Везде найдут... Не слушаются ноги...
И слишком поздно... Господи, прости!
Нет! Не хочу!

(Смеётся.) Я... спрячусь! Да, я спрячусь!

(Прячется за каминный экран.)

Тсс! Не найдут!.. Я спрячусь, спрячусь я!

И не найдут!.. Невидим я!.. Невидим!

Храни меня, мой замок! Я и ты —

Теперь одно!..

*В спальню врываются заговорщики и застывают,
не видя Павла. Император медленно поднимается
из-за каминного экрана.*

...Да будет Твоя воля!

СЦЕНА 6

*Кабинет Александра. Александр нервно
расхаживает по комнате.
Входит Фон Пален.*

Фон Пален
Ваше величество!

Александр
Отец... Он умер?

Фон Пален
Да.
Он умер.

Александр
Но... Но вы мне обещали,
Что вы его не тронете!

Фон Пален
Увы!
Должны понять вы — только два исхода
Могло быть нынче. Только два — иль вы
Корону получаете (и, к счастью,
Ее вы получили), или же:
Теряете уж всё: свободу, титул,
А может быть, и жизнь свою!

Александр
Но вы...
Вы обещали!

Фон Пален

(с досадой)

Да, но я там не был.

Я сразу же проследовал в покои

Её величества. Да-да, охраны ради.

Когда же я вошёл, уже, увы,

Всё совершилось...

Александр

Он убит!

Фон Пален

Он умер!

Александр

Убит! Убит! И значит, проклят я!

Фон Пален

Он умер. Ради бога, успокойтесь.

На все Господня воля.

Александр

Он убит!

И проклят я, и все мои потомки,

Весь наш несчастный род, и вся страна,

Где правят или же сыноубийцы,

Или — убийцы собственных отцов!

Здесь, кажется, сам воздух пахнет кровью

И смертным ужасом!

Фон Пален

(вкрадчиво)

Он умер. Всё прошло.

Всё забывается. Теперь вам надо править.

А л е к с а н д р
Нет-нет! Нельзя! Я знаю, что нельзя!

Ф о н П а л е н
Необходимо. И пора оставить
Ребячество и сантименты. Да!
С лицом спокойным выйдите к народу
И сами успокойте всех. Пора!
Ступайте царствовать!

*Александр, опустив голову, медленно идёт прочь.
На полпути голова его постепенно поднимается,
шаг становится всё более чётким и уверенным.
Он уходит не оборачиваясь.*

СЦЕНА 7

Мимо Михайловского замка идут прохожие.

П е р в ы й
Так, значит, в артель теперь?

В т о р о й
Ну да,
Оно куда сподручнее выходит,
Чем в одиночку... Слышь-ка, а вот ты
Ходил прощаться с государем? Нынче
Пускают всех туда. Так что, ходил?

Первый
Ходил (*крестится*)
Да, царствие небесное...

Второй
Ну что же?

Первый
Не нукай — не запряг.

Второй
Да ладно! Что,
Скажи на милость, что же ты там видел?
Ведь говорят... Ну, в общем, знаешь сам.

Первый
А! Что видал... Да сапоги и шляпу.
Уж больно быстро гнали...

Второй
Неужель
Покойник в шляпе был? Неблаголепно...
Такого быть не может!

Первый
Вот те крест!
Видал, как вот тебя.

Второй
Знать, правду бают,
Что в голове покойника — дыра!
Убили, тоись... Да!

Первый
Чего тебе-то?

Второй
А правда ли, что новый государь —
Ну чисто ангел? Бают, мол, свободу
Зараз всем людям выдать обещал.

Первый
Свободу?.. Это ж как?

Второй
Да я не знаю...

Первый
Не знаешь — так молчи! Видать, тебя
Ещё пороли мало.

Второй
Дык ведь...

Первый
Мало!

Второй
И верно.

Первый
Значит, выпорют ещё.

Второй
На все есть Божья воля...

Первый
Только ты-то
Не лезь её разгадывать, а то
Как кур в ощи́п и попадёшь!

Второй
(со вздохом)
И правда...

Уходят, продолжая о чём-то беседовать.

ПЕРЕВОДЫ ИЗ
ПОЛЬСКОЙ
ПОЭЗИИ

Спасение

Любимая, мой сон полночный
Прерви, шепнув, что к нашей тверди
Подходит море неумолчно —
Оно прозрачное, как ветер.
Пронизана лучом солёным
Лазурь волны. И я — поверю
И вновь к тебе приникну сонно.

Любимая, коль я до срока
Засну, поведай: снова ночью
Шумит сосна, так одинока
В лесу, в чащобе одиночеств.

Любимая, в неразберихе
Времён и судеб — из былого —
Спаси, укрой за словом тихим
От яви злой и сна дурного.

Скажи мне ты, что от начала
Была везде со мной незримо,
Любови все в себя вмещала,
Жила во всех моих любимых.

Неповторима и мгновенна —
Одна моя ты в целом свете.
Не встречу я во всей Вселенной
Ту, что уже навеки встретил.

Ты дальше всех, и рядом — ты же,
В ночи мне о волне той светлой
Шепни. И море к нам всё ближе,
И от него спасенья нету.

Собиратели осени

В свете туманном со стерни улетают птицы,
Молчаливые, словно им стиснуло горло
Предчувствие холодов. Сквозь щелястые рамы
Ветер сочится и мгла. Еле слышен
Шелест чьих-то шагов.
Это осень —
Долгожданная, неожиданная,
Незаслуженная, как всегда.

Заглядевшись в туманные окна, заслушавшись шелестом,
Собиратели осеней подступающих и ушедших,
Коллекционеры сомнений растущих, надежд увядающих,
Мы время считаем у самых гроздей рябины.
И это уместно в ту пору, когда наконец
Оценены золото, пурпур и бронза. Все краски пред нами,
Достаточно лишь подождать — и рассеется мгла,
Открыв обаянье уже уходящего света,
Глаза распахнув нам, бессильным теперь перед ним.

Столько лет мы не знали его. Сегодня, когда слишком поздно,
Когда сладко в нас проникает реальность былого,
Давайте споём,
Только шёпотом, чтобы мглу не спугнуть,
Чтобы в согласии быть с молчанием птичьим.
Давайте споём
Чужеземную песню забытую
О заледенелом клёне,

О памяти листьев опавших.
Затянем тихонько ту песню
Так,
Как если бы мы говорили о неминуемом будущем.

Недописанные стихи

Ютятся во мне стихи мои недописанные:
Опалённые, скомканные, пучеглазые,
Кто — с перебитой ногою, кто — с шишкою.

Икают, хриплым кашлем заходятся,
Утирают нос рукавом, у печки толкаются —
Неизвестно, чего хотят.

Не уверен в своём отцовстве. Так ли, эдак —
Ложь точно было внебрачным, мать же
Позабыта. Не помню даже
Акт зачатья. Но как-то распознаю их —
По гримасам лиц, жестам рук невымытых,
По упёртому в стену мутному взгляду.

Нахожу для них нежности крохи.
Одному
Дам горчичное зёрнышко, капельку водки — другому.
Иного и тряпкою шлёпну.
Но так,
Чтоб не особенно больно.

Знаю: не выйдут в люди
И не дойдут до людей.
Но раз уж они существуют
Неизвестно откуда, зачем —
Ничего не поделаешь!..

Кстати,
Не такое уж это диво
В удивительном нашем мире.

Перо

Сорок лебедей через мой сон пролетали —
Сквозь облака снежно-белые
Над рекою, недвижно текущей.

Я пробудился —
Коснулось лица моего
Изломанное перо.

* * *

Фотография врёт. Моя мама
Никогда не была такой старой.
Ведь с тех пор,
Как ей исполнилось сорок,
Она
Опережала меня
Лишь на несколько месяцев,
Не считая, конечно,
Мудрости и доброты.

Нынче, почти что семидесятилетний,
Гляжу на маму свою молодую,
Которая старше меня
На одну только смерть

Я, ты, мы

Первое из этих слов
Относится только ко мне.

Второе — к тебе
И ко мне.

Ну а третье к нам не имеет
Ни малейшего отношения.

NN, мужчина лет сорока

Боже ты мой, как же тут всё заселилось,
Как помертвело, как уравнилось,
Как всё похоже — этот бетон и гранит,
Эти песчаники, мраморы, холмики земляные,
Эти вроде бы кипарисы, туи и тополя,
И этот ветер, рождающий мёртвые шелесты
В жёсткой листве тополиной и в траурных лентах.

Боже ты мой, они окончательно умерли,
Все, как один, одиноки —
На тонком шелку, на полотне перепачканном,
В шуме аппаратуры
И вое сирен запоздалых,
В болтовне проливного дождя,
В рыдании или в молчанье.

У них всё навеки теперь. Узаконено всё
Надписью медной, табличкою жестяною,
По камню — резцом, по воде — тонкой веткой.
И никуда им не деться, нигде им не спрятаться
Перед звоном лопаты, перед святою водой,
Глиной, песком или крестом на дороге.

А этот хитрец и ловкач — как будто мужчина,
Как будто лет сорока? Вот тот, что укрылся
Под литерами NN, словно из алфавита
Знал только их, словно бы не мог себе выбрать
Что-то получше, к примеру XY или MW.

Что утаил он от нас, и что унёс он с собою?
Что и кому он оставил? Нельзя же вот так
Уйти без следа, умереть просто так, для себя лишь,
В недоумении крайнем оставив нас всех.

NN, мужчина, упокой Господь его душу!
Что ж, нынче коснулся его наших душ непокой.

Прохожий, замедли шаги иль задержись на
мгновенье,
Разведи руками беспомощно или же — перекрестись,
Заплачь иль засмейся.
Всё выходит едино.

* * *

Тишина. Уже не играют оркестры,
Смолкли даже пластинки. Пускай только вздохи
Порой нарушают,
Ту немоту, что сомкнулась над нами,
Давно утонувшими.
Пусть
Отзовётся однажды струною единственной
скрипка —
Так нежно.
И так глубоко. На самом дне улицы.

В Крыму

(Волошинский фестиваль)

Утром так трудно вставать. До поздней ночи
Приобщали меня к панславянской идее.
С ней смирились даже грузины с казаками.
Собственно, я ведь не против, хоть потом очень тяжело вставать.

Недалёко, где-нибудь метрах в двухстах,
За рахитичную порослью дышит несмело
Зеленоватое Чёрное море. Если глубже вдохнуть,
Чувствуешь запах водорослей и гнили.
Между ларьков туда можно пройти по дорожке,
В ту пору почти что пустой, и нечаянно встретить
Двух некрасивых девиц в пышных венках
Из едва расцветшего вереска. Спят на ходу.
Должно быть, их тоже приобщали к какой-то идее.

Осень тут не спешит. И сентябрь
Звучит ещё августом. Отзвук
Мягко спадает с облаков белоснежных.

Пополудни под причудливым ясенем
Во дворе рядом с домом Волошина
Гневно гремят из динамиков вирши поэтов,
Убеждённых, что строки их необходимы, как воздух.
Собственно, я ведь не против, хоть это и требует
Большой снисходительности и согласия на то,
Что завтра будет очень тяжело вставать.

Думаю всё же, если б это было бы правдой,
Кто-нибудь написал бы ну хоть один сонет крымский*.
Но воздух не пахнет сонетом. И только
Истекает ещё одна осень
Бесполезно и неизбежно.
Море стихает и стынет.

* Адам Мицкевич написал цикл крымских сонетов.

Платаны

А те платаны, стерегущие одесскую улицу,
Что сбегает Потёмкинской лестницей к морю,
Неужто они ещё живы?

А улица та с отелем «Червонный»,
По которой никто не ходил, поскольку была для прогулок,
Неужто не сгнула в топоте и в дыму?

А те змеи, совершенно безжалостные,
Безуспешно и вечно оплетающие Лаокоона,
В суете времени неужто же не расплелись?

А магазин тот валютный, где я купил нитку бус
Из янтаря — круглых и ясных, как солнце, —
Неужто же он устоял после всех перемен?

А те янтари — чью шею могли бы украсить
И чью в самом деле украсили? И
Неужто остались лишь бусы?

И всё ж те платаны — вдруг умерли?
Не знаю, хочу ли их видеть,
Не знаю, увижу ли их.

А в этом, однако, есть разница.

Из цикла «МОЙ ГОРОД»

...

Вот **баня**, что нынче заброшена, —
совесть нашего города,
которую давняя грязь уже не оскорбляет.
Никто не виновен.
Просто — время пришло.

Ни дверей разверстые рты,
ни окон глазницы
не манят уже никого.
Только плесень
лишайями украсила стены,
видавшие девичью плоть
и мускулистых мужчин,
пришедших, чтоб убивать
и оплодотворять.

Был тут котёл паровой и переплетение труб,
навек остывших в руках собирателей лома —
алхимиков, что из любого металла
умудряются выплавить деньги,
а потом превратить их в вино.

Банщик последний впал в меланхолию,
теперь
могила его — украшение здешнего кладбища.

И неизвестно, попал ли он на небеса.
Так часто грешил
неумением взгляд обуздать.

...

В опустевших **казармах**
на окраине города
ветер истории
пахнет ваксой и смазкой ружейной.
Полно тут железных коек,
помнящих
напряжённые чресла тысяч солдат разных армий,
рождённых для жизни,
но зачарованных тайной
государственных интересов
и готовых к убийствам и смерти.

Теперь, когда опустели казармы,
никто не знает, что с ними делать.
Согласиться ведь трудно,
что кровь проливалась впустую.
Ведь око за око и зуб за зуб —
извечный порядок вещей.

Истинные патриоты хотят
разместить здесь тюрьму.
Её несложно заполнить солдатами,
когда пройдёт час испытаний.

...

В том доме на улице Пилсудского, 4 —
бывшей Данцигер Штрассе, потом — Красной Армии —
жили родители моей жены Марии.
Её отец — «Граф» Бронислав,
Бывший начальник почты в Липске,
организатор подполья,
узник Освенцима и Маутхаузена,
выбрал жильё,
тесное, как голубятня —
навидался он досыта просторных барачков,
вместительных плацев
и вмещавших в себя ещё больше
печей крематориев.
Когда он пал жертвой врачебной ошибки,
мы нашли у него банку пороха,
машинку
для закатки патронов
и двустволку.
Вот тогда мы и поняли,
Откуда черпал он веру
В то, что его «уже никогда не возьмут».

В подвальчике был магазин, довольно дешёвый.
А немного повыше
проживал часовщик — алхимик, создавший
вечный хронометр с музыкальной шкатулкой.

Зимой пахло здесь Рождеством,
А летом — именинами тётки,
служившей Богу,
скромно носившей в сердце секрет

учения тайного,
за которое пошла при немцах в тюрьму,
ещё не осознав чуда зачатия Марии.

Дом стоит до сих пор. Душа его — на небесах,
а будущее ненадёжно, поскольку
он давно предназначен на слом.
А на чердаке — призраки
О чём-то бормочут: то по-русски, а то по-немецки,
А иногда там пахнет ванилью.
Вроде бы ничего не менялось.
Только названия улицы.

...

На месте немецкого кладбища — **библиотека**.
Четверть века шёл долгострой —
на могилах ведь строить непросто.
Но случайности нет, ведь могилы — такие же книги.
И кстати, среди них
немало прекрасных изданий.
Их гранитные титулы сплошь оплетали выюнки,
Пряча фамилии авторов,
что были выбиты золочёным готическим шрифтом.
Цветы,
наколдованные из железа,
замирали, дивясь
буйной жизни подснежников и незабудок,
каждой весной перечивших всей своей прелестью
неотвратимой судьбе.

Мы рядом с кладбищем часто играли в футбол,
радуя мертвых
нашим звенящим бессмертием.
И застывшие ангелы
с терпением истинно ангельским
носили забористость слов и удары мячей.
С наивысшею кротостью
они покорялись бульдозерам,
что сталкивали их с высоты, превращая всё в хаос —
без него никогда
не удаётся создать нечто новое.

Саркофаг библиотеки окружают ухоженные деревья,
а между ними порой
мерцают
крошечные огоньки.

...

Почти что полвека
стоял на центральной площади
памятник.

В камне застыли
русский солдат с ППШ,
ребёнок и голубь.
Тот голубь в детской руке —
он был наименее шустрой
птицею в городе.

Люди
долго не задавались вопросами —
цветы приносили, поддерживали огонь.
И всё это время
за спиною красноармейца
лежали два льва,
оставшиеся от немцев.
Они стерегли.
А если бы ожили вдруг, то им бы хватило
прыжка...
И лучше не думать,
что могло бы тогда случиться.

Но однажды
приехал кран,
и на землю
пал ещё один неизвестный солдат.

Пьедестал опустел.
Всколыхнулась история.
А добрым людям некогда было подумать:
Ну ладно, солдат есть солдат...
Но при чём тут ребёнок и голубь?

...

Городские старинные **стены**
имеют славное прошлое,
которого
почти никто уж не помнит.
И все мы тут издавна мочимся —
ведь поблизости нету сортира.

Тайну их долголетия
Изучают теперь реставраторы,
не обременённые делом.
И рассылают воззвания ко всем правительствам мира,
чтоб остановить
катастрофу кислотных дождей
и разъедающих газов.

Речистые предводители школьных экскурсий
славят достоинства стен,
долговечность
их кирпичей и раствора,
а также
мужество их защитников,
как-то забыв, что стены
служили когда-то
и нашим врагам.

Но стенам вполне всё равно.
И экскурсантам — тоже...

...

А вот — очень старая **улица**,
По которой скользят
пейсатые тени.
Полночной порой стручок месяца
разевает свой рот
и просит скрипача,
того, что давно уже умер,
тронуть в скрипке остатки души.

Чудо музыки никого уже не воскрешает,
Но пока она длится,
в шалманчике с кухней еврейской
чуть лучше вкус цимеса.

Кровати железные,
перины и старые «Зингеры»
притворяются правдой, которую прочно забыли.

Иногда на стекле некто пишет
нечто бессмысленно-подлое —
настолько,
что трудно поверить,
чтоб это писал человек.

Но как мы познаем добро,
если зла не познали?

...

Там, где выстроен **офис**,
весь стеклянный, в кружеве из алюминия,
был кабачок.
Он один во всём городе
никогда не менял свою вывеску.
Тут всегда было шумно и жарко,
несло дурным пивом,
кухней дешёвою, ну и, конечно, сортиром.
За оцинкованным баром
Царили сивуха, селёdochка в масле
и лимонад.
А за высокими столиками, что были обиты
клеёнкой,
потреблялось всё демократично.
Менты говорили — притон.
Тётки — шалман.
Работяги — пивнуха.
Заведующий — ресторан.
Немногие авторы книги жалоб и предложений
Хвалили
легкоусвояемость блюд
и версальскую вежливость
вечно подпитой обслуги.

Однажды ввели бесчеловечный закон
непрерывно брать сыр на закуску.
Спустя пару месяцев пол
смотрелся картиной Ван Гога.

...

В один год, в один месяц и день
и в час тот же самый

двое упали с крыши.

Один был тверёз,

а другой — в стельку пьяный.

Трезвый умер на месте,

а пьяному — ну хоть бы что.

Этот факт прославил наш город
на родине и за границей.

А кровавый след на асфальте —
предостережение

трезвенникам закоренелым.

Спасённый был выгнан с работы,

зато стал примером живым

«пьяного счастья».

И теперь уж не надо ему

корячиться кровельщиком,

чтоб заработать на водку.

Напротив —

каждый желает с ним выпить

И проставляется.

Да и правду сказать — уж кому,

как не пьяницам, очень нужны

ободряющие примеры

того, что и в их положении

есть всё же светлые стороны.

...

История нашего города имеет свою историю.
Раз — лучше, раз — хуже...
Смотря кто напишет.

Бывали у нас летописцы побед
и хроникёры пожаров.
Они были наиважнейшими,
ведь только лишь эти события —
истинные цезуры
в течение истории.
Это они
пылают и триумфируют
над серыми буднями
целых эпох и столетий.
Это они —
Вечный источник
вдохновеннейших споров и диспутов
о том, кто победил
и кто поджёг.

Любопытно, что победители,
равно как и поджигатели,
легче входят в историю,
нежели строители города,
ведь **строительство**
редко бывает возвышенным актом.

А недавно,
когда начинали строительство нового банка,
в том месте, где должен был быть
камень краеугольный,
случайно отрыли

отхожую яму времён эдак средневековья.
Стройку тут же остановили
и с благоговением
стали копать, чтобы потом изучить,
что выделяют
потроха эпох и столетий.

Михал Буковский

Лось

шестнадцатого декабря
одна тысяча девятьсот девяносто восьмого
года

ранним утром
на улице большого города
появился лось

неизвестно откуда пришедший

он сначала с достоинством, как лося и подобает,
пересёк центральную улицу

потом изменил направление
и с боковой улочки
вступил на территорию
местного
бюро ритуальных услуг

когда за ним замкнули ворота, чтоб не сбежал,
перепрыгнул забор
высотой метр восемьдесят

(очевидцы твердят, что — совсем без разбега)

и неспешно направился дальше
на соседнюю улицу
где

на середине проезжей части
улёгся
и — сдох.

Был мне сон...

Был мне сон
полный грации и достоинства
был мне сон
так тепло он смеялся
и целовал он так крепко
я даже в объятьях его удержал
целый миг
что длиннее чем жизнь
короче мгновения ока

потом
отделились объятья мои
от меня
чтоб сон проводить
в сплошное сияние памяти

теперь
я хотел бы стать ласточкой
чтоб смочь улететь в те места
где сны становятся явью

...только если стал бы я ласточкой
уж не смог целовать бы так крепко...

Независимость

деревенька наша объявила о независимости

в президенты мы выбрали старосту
определили границы
выдали паспорта

«за нелегальное пребывание...»
и так далее —
наконец-то будет порядок

для полной ясности
лишили гражданства Яся
мамаша его из другой области —
понятно же, что не наш

журналисты злобные пишут
что у нас урожаи плохие

так мы отказали им в визах —
за клевету.

Пилигримы слова

пилигримы слова
по дороге от вдохновенья до правды
на мгновенье приостановились
смирненные
перед вечностью

Есть такие места

есть такие места
где время становится ветром
а он
превращает прошлое в музыку

и ласкает нам души
как будто нежнейшей ладонью

словно затерянной
в пейзаже тела

Люблин в апреле

там в Старом Городе слева на самом углу
стоял век шестнадцатый
маленький сжатый и словно бы робкий

там в Старом Городе справа при входе
я видел еврея
в лапсердаке его долгополом
что-то было в руках его может товары
он улыбался — ему я ответил

там в Старом Городе в малой кафешке
прошла через зал молодая индуска
в коротенькой юбке
с кусочком ткани на худеньких плечиках

там в Старом Городе видел я молодожёнов
с цветами входящих в будущее

там в Старом Городе видел я
булыжную мостовую
она была выпуклой судьбами тех
кто жил перед нами
и словно натянута на
тех кто придёт после нас

ещё видел время зацепившееся за крыши

век шестнадцатый что-то тихо мурлыкал
спрашивать не хотелось
было так солнечно

Выставки, награды, ордена, премьеры...

а когда уж в конце утихнут
шелест улыбок,
грохот приветствий
и хруст рукопожатий,
когда топот восторгов
и всплески последние слов
окончательно
замкнут за собой последние
ещё открытые
двери —

тогда
между брошенных фраз,
бутербродов надкусанных,
смятых салфеток
медленно
встанет

действительность

и
без особых эмоций,
зевая,
погасит
последние отблески
исключительности.

...может, даже
удастся услышать,
как при этом
прошипит фальшиво:
«Удачи».

В тот краткий миг

в тот краткий миг

поделимся словом
осколками света
горсточкою тишины

кирпичик добра
положим на стол

присядем вокруг

на миг

осмысления

Однако

однако
ровность
не равна
ровности

дыхание ровное

к примеру младенца
спящего
или женщины
возле мужского плеча

вовсе не то же самое что
ровный шаг

войска

однако я
решительно выбираю
первое

Бар «над обрывом»

Гротеск и Трагедия
за столиком у входа
борются на локотках
кто важнее
кто сильнее

в дырявой блузе
на стуле у стенки
развалилась
Глупость

тянет пиво
(оно неплохо
с похмелья)
почти не говорит
только сплюнет порою

Ненависть за стойкой
перетирает стаканы
сбивает коктейли
передвигает дни

под столиком в углу
незамеченная
ермолка
давно лежит
на земле

окна закрыты неплотно —
давно без ремонта —
сквозь них
доносится шум автострады
построенной Евросоюзом

«и откуда те суки
деньги берут на машины...» —
Глупость бормочет
делая очередной глоток

Анджей Дембковский

Страх

Всю жизнь
он приходит ко мне
в чём-то сером
вспотевший
способный на всё
садится под подоконником
когтистую лапою
требует прикурить
молчит.

...

...К звёздам рвануться?

Нет, не пытаюсь.

Были, правда, когда-то подобные мысли,
однако же я — не фантаст.

Мне человек интересен
в свете реальности.

Тем паче

что и права выбора нету,
и нет уж во мне того запала стихийного,
чтоб сделать нечто для вечности,

что объединило бы всех
в одном бескорыстном порыве
общего дела,

наиважнейшей задачи.

Одно лишь осталось — привычка, навык,
обязанность.

И все мы как муравьи.

Нас попросту приняли к сведению.

И всё это кончится через
мгновение, час или — год,
когда нас затопчут.

Поскольку

в конце-то концов такова ведь
жизнь муравья.

Успокоение

а теперь
я не уверен что
небо уже голубое что
старики простирая
костистые руки
ищут какой-нибудь выход
иногда умирают
кто их защитит
от клеветы
и обманов

приятель мне обещал
подумать на эту тему

Картотека анатомических таблиц

к иным людям
озеро необычности
приходит во сне

иным людям
золотые ворота
преграждают путь
к неотвратимой тьме

иные люди
глядят на тебя
глазами чужих зеркал

с иными людьми
просто поубивал бы
этих иных людей
хоть тебе кажется
что всего можно бы избежать
ещё до первого крика
прежде чем китч
пространства и времени
тебя уберёт как свидетеля
конца вот этой эпохи

Из цикла «Альпийские записки»

мир маэстро Моцарта
замкнут в домике жёлтом
под номером три по Гетрайдегассе

в альбомах несколько записей
какие-то ноты, портреты
и прядка волос —
учёные определили
что тридцатишестилетний Вольфганг Амадей
умер от старости

музей не дорос и до пяток маэстро
даже табличка у входа
прячется в тесноте
барочных фронтонов
и
классических фризов

из стеклянных витрин магазинов
уродливые манекены
в элегантных костюмах и платьях
поглядывают
на азиатских туристов
и польских бедняг
что на последние шиллинги
покупают чёрствы́е булки
в дешёвейших лавках
а невдалеке

торгуют прямо на улице
венками из ивы
портретами в рамочках

о завтрашнем дне никто и не думает
а местные жители
приходят
уходят
смеются над нашими
желаньями странными
всем обладать
всё сделать своим

мир маэстро Моцарта
упорно напоминает нам
симфонию Пасторальную
переходящую
в собственный Реквием

Камни жизни

Рафаилу Орлевскому

Кем были люди
которым обязаны мы своим появлением на свет?
Наши способности,
черты наших лиц —
откуда взялись?
Это в юности нас не волнует.
А позже,
когда отойдут уже деды и бабки,
когда уж отходят
матери и отцы,
так ни о чём и не спрошенные, —
внезапно мы понимаем,
что в век информации
обо всём возможно узнать,
кроме элементарного —
откуда я есть.
Наши предки,
пытавшиеся заглянуть
в далёкое будущее,
могли лишь предполагать.
Но мы-то о них могли бы и знать в самом деле.
Изумлённые общностью —
неужели же все мы оттуда,
из дома того,
почти что совсем разорённого? —
ходили б вокруг,

в окна заглядывали,
вслушивались,
пытаясь понять
то, чего не дано нам увидеть, —
бег времени.
Но тот, кто не помнит прошлого,
тот не имеет и будущего,
хоть бы и твердил постоянно всё те же слова.
На пути человек
встречает различные камни.
Одни тащит с поля,
другие же — собирает,
чтобы понять, чтобы построить дом.

Ведь камень — твёрдый и вечный.

Кшиштоф Гонсяровский

Моя старая голая пишущая машинка

I. ПО ВСЕЙ КВАРТИРЕ...

По всей квартире, по
стенам и по потолкам
бродит ночами
моя старая
голая
пишущая машинка,
выстукивая каждый раз
обрывки фраз:
неодолимость одиночества...
тоска неугасимая...
ирония летящих мимо
мгновений бытия...
Всё — лишь слова.
Слова.
Но только лишь такими
словами
и пишутся те долгие, печальные
истории — о жизни
единственной, последней
и
о многократной смерти.

II . ЧЕРЕЗ ДОЛИНУ

Через долину
и холм,
по золотистым хлебам,
которые некогда жали
жнецы утомлённые,
моя старая
голая
пишущая машинка
каждый день проезжает
на чёрном тракторе,
взмахивая косой.
И пейзаж
с каждым взмахом
безлюдней.

III. ГДЕ-ТО В ГЛУБИНАХ

Где-то в глубинах
леса, что трудится днём
и ночью,
с утра и до вечера,
с вечера и до утра,
сквозь шум и треск
аппаратуры растений
иногда продирается
нечто,
словно дробь дятла,
нечто,
словно стук топора,
будто бы кто пробирается
к лесу живому.
А это лишь моя старая
голая
пишущая машинка
отвечает так звучно
потерям
деревьев и короедов,
лесовиков и птиц.

IV. НЕУЖЕЛИ НИКОГДА УЖ НЕ БУДЕТ...

Неужели никогда уж не будет
девятнадцати лет
той прелестной девице?
Спит как мёртвая.
На её белой шейке
синими зубками шрифта
надпись виднеется
типа:
мене, текел, фарес.
А моя старая
голая
пишущая машинка
караулит в углу,
красная вся
и сытая.

V. БРЕДЁТ УСТАЛАЯ КРЕСТЬЯНКА

Бредёт усталая крестьянка
пашней,
на велосипеде катит
путеец сонный,
вот аист и коровы
пасутся в горьких росах.
А то чёрное,
тарахтящее,
с торчащими ушами,
по краю ползущее
меж синевой и лугом?
А это всё моя старая
голая
пишущая машинка.
Ловит
пейзажи
для описанья рассвета.

VI. НИГДЕ, ТО ЕСТЬ...

Нигде, то есть
в поезде
дрожащем, стучащем,
как сердце,
сквозь мрачный пейзаж
детства, юности, зрелости
отъезжаю
с каждым разом быстрее и дальше
от себя.
И моя старая
голая
пишущая машинка
с удовольствием вторит,
вторит прощальным словам,
словно бы мы встречались
лишь
в расставаниях наших.

VII. ТЕМНО. И ДОЖДЬ

Темно. И дождь
не крапает. И ничего
не видно,
не слышно,
но всё же какая-то стычка
явно идёт
в чёрных зарослях.
То моя старая
голая
пишущая машинка,
валяясь в чернильных кустах,
принимает участие
в ночной перестрелке.

VIII. ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОСЕНЬ

Приближается осень
вечерняя,
полуночная зима.
Заснуть не могу
от частого топота.
То моя старая
голая
пишущая машинка,
надувшись, как ёж,
несёт на колючках
в квартиру
яблоки
с деревьев познания
зла
и добра.

IX. МЫ ПРИЕХАЛИ К МОРЮ

Мы приехали к морю —
безбрежность его часов
наши ночи и дни
маятником солёным отмеряет,
словно слезами.
Волна за волной,
будто бы знаки вопроса,
с побережья срывают листочки
календаря.
А моя старая
голая
пишущая машинка
бегает босиком
по пляжу,
вытаптывая на песке
тайные знаки
отчаяния.

Содержание

НА ГОРБАТОМ МОСТУ

«Так хочется настроить эту жизнь...»	5
«В перестуке колёс всё быстрее и злей...»	7
«Они рассуждали...»	9
«Оттого, что зима совершается вовремя, мне...»	10
«Не понимая, как ведётся игра...»	11
«Господи, взгляни на наши лица...»	12
Елагин остров.	13
«В ночном безмолвии двора...»	14
«В этой комнате слышно, как ночью идут поезда...»	15
«Учимся ждать...»	16
«По осени я вспоминаю ту...»	18
«К этой квартире, где прожито столько лет...»	19
«Апрельский день прочитан между строк...»	20
«То, что я есть...»	21
«На горбатом мосту лишь асфальт да чугун...»	23
«Дождь прошёл, и асфальт запарил...»	24
«Угаснет род. Последний император...»	25
«Сон то разматывался, как пушистый клубок...»	27
Наставление сыну.	28
«Я хочу купить розу...»	29
«Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор...»	30
«У меня в кармане правом...»	31
«Не печалься, душа. Среди русских воспетых полей...»	32

«Смерть в окно постучится однажды...»	33
Идиллический сон	35
«Всё спокойней, ровнее и тише...»	36
Котёнок	37
«А у неё проточина на лбу...»	38
«На Северном рынке снег нынче почти что растаял...»	39
«Из многих пёстрых видеосюжетов...»	40
Мариенбург	41
«Охлюпкой, стараясь не ёрзать...»	44
«Рыжая псина с пушистым хвостом...»	45
Трёхстрочия	46
«Я, скорее всего, просто-напросто недоустала...»	47
Троллейбус	48
«Воздух густ и влажно-фиолетов...»	50
«Князь-Владимира сын Позвизд...»	51
Порхов	52
«Когда зацветёт «декабрист»...»	53
«Звучат шаги размеренно и чётко...»	54
«Чай с вишнёвым вареньем — о Господи, счастье какое...»	55
Гренадёрский мост	56
«Меж домами пространство сгущается, словно смола...»	57
«А в декабре бесснежном и бессонном...»	58
Вечернее	59
Удельная	60
«Остерегаюсь ленивых коней...»	61
«Не задумываясь, трачу...»	62
Два варианта	63
«Думал — Дед Мороз приходит к детям...»	64
«Целый день чинили крышу...»	65

Попытка начать новую жизнь	66
В духе куртуазного маньеризма.	67
«Я на левое ухо — Бетховен...»	68
«Решила навести порядок в доме...».	69
«Прибавляю даже в росте...»	70
«Похолодало резко. Лишь вчера...».	71
«Господи всемогущий...»	72
Осень	73
Мальский погост.	74
«Бездумно провалялась целый день...».	75
Переводы	76
«Сегодня, несмотря на спешку...».	77
«Здесь никто никого не жалеет...»	78
«И вновь запела скрипка у метро...».	79
Разрушение фабрики	80
«Неужели и меня не беды...»	82
«Падаю слётком из обжитого гнезда...».	83
«Тщетно отряхиваясь от бытовой шелухи...».	84
«Отец мой был похож на волка...»	85
«Дымной тенью, тонкой болью...»	86
«Бредут в ночи, дорог не разбирая...».	87
«Фото на память. Пожалуйста, лица светлее...»	88
«Когда революция выжрет своих...»	89
Parabellum	90
Домик станционного смотрителя	91
«Разворачивают знамя...»	92
Инвалид	93
«Я хочу отдохнуть в романтично-тенистом саду...»	94
«Осколок бутылки, ровно вечность назад...»	95

«Без обвинений и высоких слов...»	96
«Ты нынче мне приснился. Мы с тобою...»	97
«А мне говорили: уйдёт любовь...»	98
«Вот улица и ты здесь жил когда-то...»	99
«В ушедшем и несбывшемся, в небывшем...»	100
«Ветер — безумный дворник...»	101
«Пёс пролаял зло и сипло...»	102
«Скажи, куда мне спрятаться, скажи...»	103
«... Так и я бы хотела...»	104
«Сквозь темноту, сквозь тишину...»	105
«По чьему приговору умирают миры?...»	106
«Ангел мой, ты когда-нибудь мне простишь...»	107
«Что остаётся, если отплыл перрон...»	108
Картина	109
«И всё-таки бредёшь, бредёшь устало...»	112
«Этот запах весны, он всегда горьковато-тревожен...»	113
«Из шалманчика слышится ретромотив...»	114
«Получив от судьбы приблизительно то, что просил...»	115
«Как ты нелеп в своём мученическом венце!...»	116
«Когда собаки потеряют след...»	118
Эксперимент	119
Махаон	131
Трое	132
«От трескучей фразы на злобу дня...»	134

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК

Драматические сцены	135
---------------------	-----

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

<i>Марек Вавжекевич</i>	161
Спасение	161
Собиратели осени	163
Недописанные стихи.....	165
Перо.....	167
«Фотография врёт. Моя мама...»	168
Я, ты, мы	169
NN, мужчина лет сорока	170
«Тишина. Уже не играют оркестры...»	172
В Крыму	173
Платаны	175
<i>Ричард Улицкий</i>	176
Из цикла «МОЙ ГОРОД»	176
<i>Михал Буковский</i>	188
Лось	188
Был мне сон.....	190
Независимость.....	191
Пилигримы слова.....	192
Есть такие места	193
Люблин в апреле	194
Выставки, награды, ордена, премьеры.....	195
В тот краткий миг	196
Однако	197
Бар «над обрывом»	198
<i>Анджей Дембковский</i>	200
Страх	200
Успокоение	202

Картотека анатомических таблиц.....	203
Из цикла «Альпийские записки».....	204
Камни жизни	206
<i>Кшиштоф Гонсяровский</i>	208
Моя старая голая пишущая машинка	208

Издательство «Геликон Плюс»
представляет серию

«ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА»

Книги современных петербургских поэтов

Павел Байков «Дословная тишина»

Валентин Бобрецов «Это самое»

Галина Гампер «Черный квадрат вороны»

Вячеслав Лейкин «Действующие лица»

Екатерина Полянская «На горбатом мосту»

Вадим Пугач «Антропный принцип»

(812) 327-46-13, (812) 328-20-40 www.heliconplus.ru
vk.com/heliconplus facebook.com/heliconplus

Екатерина Полянская

На горбатом мосту

Книга стихов

Вёрстка *Е. В. Житинской*
Корректор *Ю. Б. Гомулина*

Дизайн обложки Е. О. Шварёвой

Подписано в печать 26.08.14. Формат 70x100^{1/32}

Гарнитура Мириад. Печ. л. 7

Тираж 300 экз. Заказ № 3540

Санкт-Петербургское отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Издательство «Геликон Плюс»

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28

<http://www.heliconplus.ru>

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в типографии ООО «Издательство «ЛЕМА»
199004, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 24